

Алексей Борычев

ВДЫХАЯ ЗВЁЗДНЫЕ

ВЕТРА

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА

«БУКИ ВЕДИ»

2013

УДК 821.161.1-1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

Б83

Борычев А. Л.

Б83 Вдыхая звёздные ветра. Стихотворения. – М.:
БУКИ ВЕДИ, 2013. – 206 с.

ISBN 978-5-4465-0292-9

Подавляющее большинство стихотворений,
опубликованных в настоящей книге, написано
автором в период 2008 – 2013 гг.

УДК 821.161.1-1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

ISBN 978-5-4465-0292-9

© Борычев А. Л., 2013

© «БУКИ ВЕДИ»: оформление 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поэзия Алексея Борычева – уже сложившееся явление в мире современной русской литературы. Автор твёрдо занял именно ту «поэтическую нишу», которой долго и упорно добивался в течение весьма длительного времени. Его поэзия далека от постмодернизма, метаметафоризма и прочих современных направлений. Корни её глубоко уходят в классику русской литературы, отсылая нас, прежде всего, к Фёдору Тютчеву, Евгению Баратынскому, Афанасию Фету, то есть к «мыслительной ветви» русской поэзии.

Для того чтобы понять подлинную глубину его поэтического мировоззрения, необходимо начать издалека, точнее – из прошлого. Воистину «большое видится на расстоянии». Поэтому для начала позволю себе обратить внимание читателя на некоторые факты.

Известно, что в конце позапрошлого века русская литература испытывала период некой стагнации, когда самыми яркими представителями её поэтической школы были такие поэты как Алексей Апухтин, Константин Фофанов, Семён Надсон... Не ставя в предисловии к книге задачи определить даже на поверхностном уровне причины означенной стагнации, отмечу, что в тот поэтический вакуум уже в конце 19 века хлынул мощный поток западного символизма, и первым, пожалуй, кто начал работать с ним, адаптируя его к русской культуре, был Константин Фофанов. Далее – лавиноподобное увлечение западной парадигмой захватило умы крупных литераторов 20 века, к которым можно отнести Александра Блока, Фёдора Сологуба, Константина Бальмонта, Валерия Брюсова, Дмитрия Мережковского, Зинаиду Гиппиус – представителей раннего

символизма. Бурное развитие западной поэтической школы в первом десятилетии двадцатого века привнесло в русскую культуру новые темы, новые формы, иные подходы. Сам по себе символизм по определению одного из его учителей – Валерия Брюсова – был способен вместить практически все поэтические направления. Однако эстетика именно русского символизма резко отличалась от западной, поскольку культура России (всегда достаточно противоречивая внутри себя) стала принимать крайние формы – уход в схоластические упражнения, в мистицизм и даже в сатанизм. Часто символизм трансформировался в декаданс, и многие поэты не миновали всего выше означенного. Поэтому – как реакция – возникло новое течение в литературе: неоклассицизм. Оно задекларировало крах символистской эстетической системы ценностей, а, по существу, и самого символизма. Возможно, реакцией на новое течение в литературе был бы следующий виток в развитии символизма, но... Россия была ввергнута в революционный хаос, многие поэты были вынуждены уехать из страны, некоторые покончили жизнь самоубийством или были расстреляны.

Не могу разделить устоявшегося мнения о том, что русский символизм «себя изжил полностью». Скорее «его изжили»... Не останавливаясь на декларативно-патетической советской поэзии, её особенностях, напомню лишь, что никаких философских тем она почти не касалась, а предпочитала раскрывать в лучшем случае сугубо соцреалистические темы, в худшем – опускалась до эстрадного пошловатого примитивизма. Не было работы со словом, «преодоления слова». Вот почему от советского поэтического наследия осталось всего несколько ярких имён. Разумеется, говоря об этом, я не касаюсь «подпольной» поэзии, которая пыталась пробраться к широкому читателю, как цветок – из-под асфальта – к солнцу. Однако и здесь существенных прорывов не было. Поэтому западный постмодернизм попал в СССР (Россию) на весьма

нездоровую, заболоченную официозом и различными формами запретов, почву.

К нынешнему времени современная русская поэзия фактически разделилась на собственно русскую (почвенническую) и на так называемую «русскоязычную». Почвенническая – это национально ориентированная русская поэзия, наследующая традиции Тютчева, Баратынского, Блока, Есенина, Рубцова, Ахматовой... Для неё характерны максимально приближенная к этим традициям форма, тематика, использование «ключей», устойчивых выражений, отсутствие модернистских поисков, обращение к душе и соборному духу русского народа. Собственно, она и питается только этим духом. «Русскоязычная» – это фактически западная поэзия «на русском языке». Она антагонистична в значительной мере по отношению к почвеннической, поскольку исследует филологические ресурсы русского языка, вносит новизну в устаревшие формы, и, по сути, представляет собой модернистское направление. Но – наряду с этим – она же отказывается от каких-либо «ключей», устоявшихся форм, от так называемых штампов, в отличие от классической русской национальной поэзии, и формирует новую эстетику. Своё начало она ведёт от стихов и поэм В. Хлебникова, ранних опытов В. Маяковского... Однако в настоящее время слишком заметной стала подмена истинного поиска новых форм чисто формальными филологическими упражнениями с бурным применением обсценной лексики и выхолащиванием духовного начала. Раскрытие причин этой деградации позволило себе оставить за скобками предисловия, ибо они выходят за рамки только литературных процессов.

Столь подробное описание мне потребовалось для того, чтобы нарисовать перед читателем динамическую картину русской поэзии с целью показать отсутствие работы современных русских поэтов над непосредственным содержанием поэтических форм, над тематикой,

которая ранее проводилась символистами. Именно символисты уводили читателя «за грань предметного мира», обогащая его (читателя) новым духовным (и, кстати, не только духовным) знанием. Символистская поэзия не просто строила «замки на песке», она расширяла тематику поэзии до трудновообразимого. Сейчас огонь новых тем в поэзии погас. И не последнюю роль в этом сыграли деградационные процессы, обозначенные мною выше. В связи с этим, хочется отметить, что Алексей Борычев, тайно или явно наследуя традиции символистов, в своей поэтике ведёт исследование *именно новых тем*. Он сознательно уходит от модных аллюзий, контаминаций, непрямого цитирования и прочих приемов современной поэзии. Это делается для того, чтобы использовать подлинные силы и возможности классических форм при раскрытии нового содержания. Особенно характерно использование научной лексики для раскрытия сложных научных натурфилософских и метафизических тем. Изящно выстроенные – с использованием заимствованных из математики, физики и др. наук терминов – аллитерации создают интересные звуковые ряды. Стихи насыщены яркими новыми зрительными образами.

Конечно, метод Алексея Борычева несколько тяжеловесен и не свободен от недостатков, требует от читателя вдумчивого, неторопливого погружения в миры его творчества. По словам известного поэта Валерия Дударева, стихи Алексея Борычева «тихие, но звонкие». Его модерн – это новая тематика, новая духовная насыщенность стихотворений. Именно поэтому, для максимального контраста, поэт – как уже было отмечено ранее – использует классические формы, не боится привычной классической эстетики, фразеологизмов, «ключей». Его модерн – это и проявление максимальной свободы в выборе тем, игра с ними, но игра, требующая знаний философии, физики, математики, а не словесные кружева, столь любимые многими современными авторами и

критиками, принимающими их узор за «индивидуальный авторский почерк». В своей новой книге «Вдыхая звёздные ветра» поэт, по моему мнению, максимально приближается к гармоничному слиянию всех составляющих стиха с учётом той формы и степени новизны, которые в них обозначены. Новое растворено в тексте настолько взвешенно, что уловимо в большей степени на ассоциативном, а не на логическом уровне. В ранних книгах этого автора всё было с точностью до наоборот. В этом достигнут удивительный прогресс. Отмечу, что Алексей Борычев остается верен себе в чётком использовании силлабо-тоники, точных рифм. Он лишь иногда использует рифмоиды – как правило, там, где выражаемая мысль обретает некую эфемерность и неустойчивость: те места, где погружение в «запредельное» слишком глубоко. В настоящей книге он изящно переходит от сонетов к более лаконичным триолетам. Именно поэтому, да и по целому ряду других причин, новая поэтическая работа автора есть не иное, как возрождение символизма, о котором повествовалось в начале предисловия, причём возрождение качественно новое, основанное на исследовании новых метафизических и научных тем, с построением соответствующего метафорического ряда и использованием научной лексики.

Разумеется, разбирать примеры из этого фолианта, чтобы показать всю новизну содержания, раскрываемого поэтом, не представляется возможным. Да и неверным было бы, уподобляясь многим современным литературным критикам, вырывать из контекста отдельные фразы или даже строфы, чтобы продемонстрировать тот или иной приём, ведь поэтический текст оживает лишь тогда, когда соотносится с пространством, временем, в которых он был сотворён, с личностью самого поэта, и никак иначе! Поэтому любая его фрагментаризация – ущербна.

Книга рассчитана на читателя, знакомого с точными и естественными науками, а не на кабинетных филологов, ищащих значение того или иного незнакомого им научного слова по словарям и – в результате – приходящих в полное недоумение от прочитанного, потому что определение значения любого слова, особенного научного, требует более глубоких знаний, нежели та малость, что могут дать словари и гуманитарное образование. И – самое главное – значение слова, конечно, зависит от контекста. Следовательно, и понять его могут в полной мере лишь интересующиеся точными и естественными науками читатели.

Необходимо также сказать, что в новой книге поэта Алексея Борычева «Вдыхая звёздные ветра» представлены и пейзажные стихотворения, в которых отчётливо видна лёгкость поэтического шага, например, в стихотворении «Июльская элегия».

Также представлены мотивы ушедших в небытие юности, детства, к которым автор относится с трепетной любовью, и которую могут заметить очень многие. Таковыми, например, являются стихотворения «Юность», «В моих стихах...». Они прозрачны, эти стихи, легки, где-то сентиментальны в самом хорошем смысле этого слова.

В своей новой книге автор не пользуется обычными схемами составления поэтических книг: по датам написания стихов или посредством объединения стихотворений в тематические циклы... Он специально не придерживается подобных схем, чтобы уйти от иногда повторяющихся приёмов. При внимательном прочтении читатель поймёт и оценит – полагаю – принцип составления настоящей книги, раскрывать который в полной мере мне представляется неуместным...

В завершение отмечу, что подавляющая часть стихотворений была написана в период с 2008 по 2013 годы, и было добавлено всего лишь несколько старых стихотворений из прежних книг, представленных здесь в новой редакции. Настоящая книга Алексея Борычева – это как бы высокий барьер, над преодолением которого автор трудился более пяти лет.

*Лариса Баранова-Гонченко,
литературный критик,
стамс-секретарь Союза писателей России,
заслуженный работник культуры РФ*

Москва, ноябрь, 2013г.

Звук

Нет ничего темнее звука,
Нет ничего светлее боли...
В висках стучащая разлука,
Как птица, вырвется на волю.

Пребудет близостью апреля,
Прощающей былье зимы, –
С их чёрной музыкой метелей,
С их тишиной неотразимой...

А после – пёстрою весною
В лесных просторах разгорится,
Чтоб майской песнею лесною
Пронзить покоя шар, как спицей...

Нет ничего темнее звука.
В его тени уснуло время.
И память стала близорука,
От немоты времён старея.

Кто знает звук, его не слыша,
Приходит в тихое бессмертье,
Траву причин земных колыша
Ветрами слов: «не верьте», «верьте».

Преграды истин разрушая,
В небытие смеющая судьбы,
Восходит тихо мысль чужая
Над горизонтом новой сути

Былых событий и явлений,
Блистая пасмурной печалью
И правдой редких откровений,
Пасующей перед молчаньем.

Зане молчанье благородней
Победно высказанной правды,
Как наступившее «сегодня»
Честней обещанного «завтра».

Очнуться далёкой планетой

Очнуться далёкой планетой,
Забытой своею звездой,
Летящей куда-то и где-то
Над тёмной вселенской грядой.

И видеть квадраты и кольца
Тебе неизвестных времён,
Звенящие как колокольцы
Забытых, но звонких имён.

Встречая вторичные дали,
Забыть о первичных навек,
О том, что тебя называли
«Любимый ты мой человек».

И знать, что какого-то завтра
Не будет уже никогда.
Сомнёться кромешная правда:
Я – глина, песок и вода...

ФОРМА ПЕРВАЯ

Когда потянется сентябрь
За нитью птичих стай,
Усни в заоблачных сетях,
Мгновением растай.

Летай на крыльях пустоты,
Раскрашенных в рассвет;
И где б ты ни был, ты – не ты,
Тебя и вовсе нет!..

И пусть отсутствием твоим
Не все обеднены...
Земное время – алый дым
Надмирной тишины.

Ты эргодический процесс
В пластиах небытия,
И ожидание чудес
Творит судьба твоя.

Смотри мозаики иных
Галактик и миров,
Сложи единый мир из них,
Чтоб не был он суров.

Где нет тебя, там – только ты,
И потому ты там,
Где времена тобой пусты,
Где пусто временам!..

А на Земле в кострах потерь
Пускай сгорает то,
О чём – поверь – уже теперь
Не ведает никто.

Пусть белый коготь хищных дней
Царапает всех тех,
Кому привычнее, родней
Мирок земных утех.

Полёт

В сырое холодное лето
Горячие мысли одеты.
А мы в ожиданиях тлеем,
Скользя по дождливым аллеям.

И тёмная пена событий
Вскипает над тем, что забыто.
А в чёрной воде откровений
Искрятся пылинки сомнений.

Кривые зеркальные ночи
Помножат на сто одиночеств
Число отражений рассветов,
Потерянных памятью где-то.

А дней перламутровый клевер,
Бегущий по небу на север,
Рассеет пыльцу расставаний
По серым лесам расстояний.

И кольца времён разомкнутся.
Прольётся бессмертие в блюдце
Глубокой печали о чём-то,
Растаявшем за горизонтом

Того одинокого лета,
В которое были одеты
И мысли, и чувства,
И даже
Земное бесчувствие наше.

Майская ночь

Курила полночь дымный ладан
Клубами едкой темноты
И наполняла майским ядом
В ночи живущие мечты.
И дым к востоку поднимался,
И в небе змеем извивался,

По звёздной речке проплыval
В густое озеро рассвета,
Где светом день плескался, ал,
Грустила бледная комета.
И белой лилией цвела
Ночная тишина, во тьме светла.

Но кто-то шёл, шептался с кем-то:
По лесу тихие шаги
Прошли тьму невнятной лентой.
Пространства утренний изгиб,
Свивая в кольца свет туманный,
Надел на лес их,
На поляны –

На остро-тонкий стержень тьмы...
И стали млечными просторы.
В них робко птичей кутерьмы
Огонь затеплился, в котором
Сгорала, плавясь, тишина,
Куреньем полночи пьяна.

СЕНТЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ

Стекает утро вязким солнцем
С покатых крыш,
И день стоит над горизонтом,
Кудряв и рыж.

Осенней солнечной слезою
Позолочён,
Он ловит блик под бирюзою,
Хрустит лучом.

Зерном печали кормит небо.
Молчит оно,
Глотая, словно крошки хлеба,
Её зерно.

И пусть сентябрь горчит повсюду
Сырой строкой,
Но этот день подобен чуду –
Живой такой!

И льются тихие просторы
Струёй времён
На бесконечные повторы
Иных имён.

На недовольное шептанье
Тоски земной,
На все предчувствия и тайны
Судьбы иной...

И что ему угрюмый невод
Земной тоски,
Когда задумчивое небо
Кормил с руки!

ДИАЛОГ (СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК...)

Где ты бродишь? Где лучится
Памяти твоей слеза?
Где роняешь слов зарницы?
В чьи глядишься небеса?

– По высоким звёздным тропкам,
По тончайшей вышине
Я брожу, гляжу, как робко
Ты стремишься ввысь ко мне.

В чащах лунных, в чащах звёздных
Ты почти и не видна,
И моей печали гроздья
Поглощает тишина.

– Милый, помнишь, мы блуждали
По фиалковой весне?
Синеокий, бело-алый
Мир светился, как во сне.

Да, я помню – майской ночью –
В небе звёздные цветы
Рассыпали многоточья,
Где гуляли я и ты.

В пенном облаке сирени
На свирели тишины
Ночь играла...
Наши тени
Были переплетены.

А потом хрусталь рассвета
Проливал весенний день...
Где же, где теперь всё это? –
Только память! Только тень!

– Успокойся. Не печалься.
Слышишь, время ожило,
И кружится в быстром вальсе,
И дрожит миров стекло.

Вижу, скоро разобъётся.
И тогда в предел иной
Полетишь, как в темь колодца,
Вновь окажешься со мной!

СНЕГ

Снег устал под тоскою кружиться.
Просит смеха сиреневый снег,
Потому что печальною птицей
Бьётся в сетке секунд человек.

Потому что и сами секунды
Снегопадом бескрайним идут,
Покрываая поспешно цикуты
Ядовитых от счастья минут.

Снег – темнее, чем память о снеге,
Снег – невнятнее мысли о нём.
Огоньками порхая на небе,
На земле он не станет огнём.

Может, нет его вовсе, а то, что
Называем снегами, – лишь связь
Между будущим нашим и прошлым,
Обитающим где-то, лучась.

Но – ни вздоха, ни горького смеха...
Только тихо поёт темнота, –
Голубыми секундами снега,
Будто светом времён, повита!

Ночная ящерка души...

Ночная ящерка души!
Такая слабая,
слепая...

Беги во тьму,
Спеши, спеши –
Испуг на лапки рассыпая.

Вонзает в землю
Злой рассвет
Свои отравленные стрелы,
И ты во тьму своих побед
Стремишься к дальнему пределу.

В зрачках безжалостного дня –
К тебе – и ярость, и презренье.
Твой путь – не путь его огня.
Ты ночи ртутное творенье!

Ночная ящерка души,
Тоской дышащая закатной,
Во тьме, где топь и камыши,
Тебе спокойно и приятно!

Но день, безжалостен и сух,
Ночной души не пожалеет,
И опалит весельем дух,
И станет счастье горя зле!

ЧЁРНО – БЕЛОЕ

Где небо бело, как мел,
Где с тёмной водой канал, –
Без цели, мечты и дел –
Там некто один стоял.

Пусть светлая быль – темна,
А тёмного – ярок след.
Но та, кто во тьме одна, –
К нему выходи на свет!

Пусть капает звёздный воск
На чёрную гладь воды
И слышатся речи звёзд
Как слово одной звезды.

Сшивается чернота,
Без ножниц и без иглы,
Из белых времён холста,
Из локонов светлой мглы.

И в злой паутине дней –
Звенящая болью грусть,
И в мятном дыму ночей –
Запутались сотни чувств.

Ты помни – одна вода
Жива – и хранит в себе
Тот мир, где поёт звезда
О чёрной земной судьбе.

Когда ушла ты в ночь...

Когда ушла ты в ночь из дома моего,
Свечение времён сверкнуло и погасло,
И задрожал хрусталь забытых мной тревог,
По рельсам белых дней текло, пролившись, масло...

В петле из ста проблем повесился мой мир,
И смерти всех удач, как яд, вошли под кожу.
И бряцала весна на струнах старых лир,
Рассстроенных тобой – и мною, впрочем, тоже!

А ты брела по дням в скрещении лучей,
Которые всегда светили нам обоим,
И звал тебя покой, просторный и ничей.
Ведомая судьбой, сама была судьбою!

По небесам сердец, забытых и пустых,
Прошла огнём побед над суетностью дольней
В края высоких снов, как детский мир, простых,
Где духу твоему и легче, и раздольней.

Хоть не было меня в пространстве снов твоих,
Ты кольцами ночей сплетала зыбкий невод –
Ловить мечты мои, где был с тобою в них,
А после воскрывать в сновидческое небо.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Когда тяжело тебе,
И ноет былая боль,
И веры в твоей мольбе –
Жестокий и чёткий ноль,

На шее – петля пространств,
По венам – ножи времён,
И тянут сознанье в транс
Магниты былых имён, –

То знай – от тебя ушла –
Ушла, как уходит день, –
Твоя световая мгла,
Твоя вековая тень:

Ушла от тебя она
К другому ли,
 в пустоту –
Не важно. В окне весна
Иная,
 а ждёшь всё ту...

По скорбным пустым годам
Рассеешь пылинки чувств,
Не сможешь понять –
Когда
Веселie или грусть,

... Когда не найдёшь в себе
Себя и былую боль,
То та, кто нужней тебе,
Вернётся, чтоб стать судьбой.

Что буду я делать весной?..

Что буду я делать весной?
Наклею на чувства листочки,
Твой голос, как поле, льняной
Заставлю цвести в моих строчках.

Оранжевых бликов семье
Пошлю приглашенье в свой терем,
В его малахитовой тьме –
Чтоб не было места потерям.

Что буду я делать весной?
Вино из черешневых мыслей,
Напиток покоя лесной,
Слегка от забвения кислый.

Мгновений кусающих рой
Потонет в потоках сирени,
Окажется тихой строкой
Какого-то стихотворенья.

Что буду я делать весной?
Сшивать временами пространства?
Взойдя на порог неземной,
К астральному буду пристрастный?

... А ивы речные глядят
В парные закатные воды,
И вечер, лучами объят,
Спускается тьмой с небосвода.

И мир – как обычно – ничей,
Весенний ли, зимний, осенний.
Порхание дней и ночей,
Сплетение света и тени.

Весны сквозная синь...

Весны сквозная синь.
Светящаяся истина.
Застенчивость осин,
Прозрачная, лущистая.

Кораблики тепла
По морю стыни плавают,
И теплых дней расплав
Стекает с неба лавою.

Весны блестящий диск
Вокруг меня вращается,
И мир, суров и льдист,
На части разрезается. –

На щебетанье мглы,
На пенье ручейковое,
На воды, что светлы,
А были стужей скованы...

И солнечным стеклом
Леса переливаются,
Как память о былом,
Всегдашняя, живая вся!

И солнце – просто дым
Оранжевый, берёзовый –
Над мартом молодым,
Над снегом бледно-розовым.

Однажды осенью...

Цветной тишиной октября
Темнеющий день рисовал
В тетради с названьем «заря»
Свинцовой прохлады овал.

И контур нечёткий его
Врезался в лиловую тьму,
В которой брело существо,
А кто? – непостижно уму...

Возможно, прощальная тень
Прошедшей прекрасной поры,
А может, закатный олень,
Идущий в иные миры.

А может, затравленный зверь
Души опустевшей, больной, –
В безверие, в сумрак потерь
Он крался лесной стороной...

И небо струило печаль
По веткам и листьям дерев,
Покоя вечернюю шаль
На шею тревоги надев...

Стоял я среди валунов
Забвенья,
 дышал немотой,
Луны золотое руно
Сбирая тоскою густой.

Темнело. И лес в темноте –
Как терем судьбы – до небес.
Там, будто искристая тень,
Цвело ожиданье чудес.

Пришедшая в терем судьбы
Осенняя гулкая ночь
Качала осины, дубы,
Не в силах тоску превозмочь.

И хлопнула в тереме дверь,
Рассыпалась тьма на куски;
И шедший в безверие зверь
С рычаньем оскалил клыки...

Под СВИРЕЛИ ВЕТРОВ

Последний летний день с небес слетел,
Прохладно стало тёмными ночами.
На мягкую листвянную постель
Покой ложился тихими лучами.

Простор лесов прозрачнее, светлей.
Гуляют переливчатые блики
По сумраку пустеющих аллей
Под журавлей прощающихся клики.

Рядится осень в алые шелка,
И ветры, как осипшие свирели,
Свистят и гонят, гонят облака
По выцветшей небесной акварели.

Ах, осень, осень... ты ли это? Я ль
Попал в твои холодные объятья?

И – понимаю:
Если есть печаль, –
Она приходит в самых ярких платьях!

КРУЖИТ НАД ЕЛЯМИ КОРШУН ЛУНЫ

Кружит над елями коршун луны,
Мир осеняя лучистыми крыльями.
Слушают стоны дерев –
Валуны.
Ночь распускается северной лилией...

Между берёз восходящая тьма
Кольца свивает из прошлого времени.
Льётся с небес голубая сурьма
И осаждается в сердце прозрением.

Ртутные тельца полночных берёз,
Хрупкие в лунном и звёздном сиянии.

Чёрная чаща...
Какой-то вопрос
Молча застыл в закоснелом сознании:

Тихо шепчу я: зачем эту тьму,
Зимние силы, в судьбе рассыпаете?
Кто мне расскажет, зачем, почему
Прошлое намертьво врезано в памяти?

Но молчалива, как тень, темнота.
Хоть бы огни засверкали далёкие.
Как мне противна её немота
В мире, где все навсегда одинокие!

Чёрные птицы как будто кружат...
Чёрная ночь угождает нездешнему.
Воздух несмелыми мыслями сжат –
Тихой печалью по времени прежнему.

О, как пружинит его существо!
Чувства пульсируют волнами-волнами –
Злое земное творит колдовство
Зимними звуками, злобных сил полными.

Станция «Осень»

Апрель покупает билет для меня
На поезд до станции «Осень»,
Куда отправляюсь, мечты разменяя
На воздух и дым на морозе.

Бегут полустанки мерцающих дней –
Быстрее, быстрее, быстрее;
И солнце в оконцах уже холодней,
И прошлое даже не греет...

И нет остановок, а старый вагон
Несётся, несётся, несётся
И делает новый и новый разгон
Вдогонку закатному солнцу.

Уже не приносят ни чай, ни коньяк. –
Уволены все проводницы.
Но знаю: на станции «Осень» – не так:
Там есть ещё – чем насладиться!

Когда со дна галактик поднялся...

Когда со дна галактик поднялся
Моих предчувствий плавающий ил,
Я погасил бессильем небеса,
Где прошлый мир кометою светил.

И отыскал в шкатулке прежних лет
Тот бриллиант, подаренный тобой,
Который, отражая млечный свет –
Что говорить! – и был моей судьбой,

Но ты ушла,
И потускнел бриллиант –
Как дни, как боль, как память о тебе;
И тёмной точкой обратился мой талант –
Творить миры в полночной ворожбе.

Собрав предчувствий плавающий ил
И разбросав его по временам,
Тебя в былом рассеял, погубил,
Чтоб хорошо в грядущем было нам!

ВЕЧЕР ВРАЧУЕТ ПРОСТУДУ ЗАКАТА...

Вечер врачует простуду заката
Чёрной облаткою ночи.
Память лиловою тьмою объята –
Пеплом былых одиночеств.

Пламя осенней лесной лихорадки
Всё поджигает во злобе...
Дни – как секунды, прозрения кратки.
Мысли и чувства в ознобе.

Когти времён, ухватившие лето,
Приступом боли разжались.
Лето разбилось в сознании где-то
На ностальгию и жалость.

Тихо пульсирует летнее сердце
В полночи дрожью осенней,
Но замирают бесшумные герцы
Утром, колеблющим тени.

И продолжается тихая осень –
Заводь покоя без края,
Солнце, подобное острой занозе,
Мглой в небесах растворяя.

Олово дней растекаетсятише
В тигле метельных просторов.
Знак всепрощения на небе вышит
Иглами вечных повторов.

Когда б...

Так много мест чудесных. Я б пошёл
Туда, забыв о том, что было счастье.
Наверное, мне стало б хорошо,
Когда б не знал, что надо возвращаться.

Так много мест прекрасных. Я б поплыл
Туда, к былому будто непричастный.
Но вряд ли, вряд ли мне хватило б сил,
Придя обратно, к ним не возвращаться.

Закат воспоминаньями объят,
Но ведь любой рассвет – лишь тень заката.
И в будущее я поверить рад,
Когда б прошедшим не было распято!

Воспоминания на мотив А. Апухтина

Воспоминания. Воспоминания.
Где обретаете силы и рвение –
В доме скучающего мироздания?
В замке несбывшегося вдохновения?

Светом осенним, остывшим, врачающим
Вы освещаете прошлое, прежнее
И усмиряете дух негодующий,
Ставший преградой пред чувствами нежными.

Полем, озёрами, рощей, болотами,
С неба хлебнувшими горечь осеннюю,
Вы пролетаете тихо. Полётами
Сердце волнуя душе во спасение.

В сумерки синие, в сумерки поздние
Часто в тревогу мою проникаете
И осыпаете искрами звёздными
Волосы ей, говоря: кто такая ты!..

Волосы длинные, волосы чёрные
В небе колышутся голыми ветками...
Прошлое, памятью позолочённое,
Падает лунными бликами редкими.

Падает, падает в темень осеннюю,
В чёрную пропасть земного страдания...
Где же забвение? Где же спасение? –
Воспоминания. Воспоминания...

В моих стихах...

В моих стихах – нет слова «мама».
И слова «папа» – тоже нет.
В них дым кадил и свет тумана,
Неповторимый тусклый свет.

В них погибающая совесть
И тень погубленной страны
В иной предел уводят,
то есть
В миры забвенья, тишины,

Где время тихо отдыхает
В переплетенье спелых трав
И наполняет явь духами
С ума сводящих, злых отрав.

И в чаще той, которой нету,
На одиноком старом пне
Сидит,
В лесные мхи одето,
Былое
С думой обо мне.

Но я его уже не вижу.
И нет его в моих стихах.
... Штрихует дождь земную жижу,
И меркнет всё в косых штрихах.

ДВЕ ЗВЕЗДЫ У ТЕБЯ В КОРОЛЕВСТВЕ НОЧЕЙ...

Две звезды у тебя в королевстве ночей.
Там уснуло пушистое снежное времяя,
Замирая котёнком на левом плече
У пригретого солнцем лесного апреля.

Чтобы тени разлук не казались темней,
Звонкой музыкой эльфы наполнили чащи.
И рассыпано прелое золото дней
В погребах пустоты, в тишине восходящей...

На второй высоте, там, где облачный бог
На апрельской струне увлечённо играет,
Нам с тобой приготовлен рассветный пирог,
Сладкоежкой луной объедаемый с края.

Посмотри, как густеет желания мёд,
Проливаясь в бокалы пространства восторга;
Улыбаясь, со скрипетром солнца идёт
Новый день по небесной тропинке с востока.

И встречают его светляки – васильки,
И вращается ось одинокой планеты,
Друг от друга где так далеки-далеки
И влюблённые души, и просто поэты.

Не грусти, не грусти и свечу потуши,
Потому что свивается радуга счастья.
Где и сумрак, и свет – там рождается жизнь,
И вторая, и третья за ней в одночасье!

Случайность...

Он шёл от хаоса к порядку,
Взрывая звёздные миры,
И внёс случайную загадку
В законы строгие игры,

Которым слепо подчинялись
И все вершители судеб,
И вызывающие жалость –
Все, кто бы ни были, и где бы!

По граням хрупкого бессмертья
В пространство истин он прошёл.
Кто сомневается – не верьте!
Кто верит... тоже хорошо...

На первой истине споткнулся,
А на второй упал туда,
Где в ритме солнечного пульса –
В трёхмерном мире – шли года.

Случайны стали все события,
Когда-то вызванные им
Из тьмы послушного наития,
Которым сам он был храним.

И снова хаос беспределен.
Загадка сделала своё:
Кружатся времена без цели,
И замирает бытиё.

ТЕМНОТА

У темноты особый блеск,
Особая звезда.
Мерцает странный арабеск
В лучах её всегда.

За каждой новой темнотой –
Иная темнота
Скрывает белый свет густой
И все его цвета.

И в каждой то, что может быть,
А может и не быть –
И горний мир, и смрадный быт,
И бабочка судьбы...

В густой блестящей темноте
Огнями сны цветут
И украшают на холсте
Событий – наш уют.

Над городами, над землёй,
Где не был человек,
Витает тьма липучей мглой,
Туманом чёрных рек.

У темноты особый вкус,
Особый аромат.
Я ими от себя лечусь.
Они слегка пьянят,

Легонько давят на виски.
И я во тьму иду,
Времён потерянных куски
Сбирая на ходу.

У темноты особый блеск,
Особая звезда.
Мерцает странный арабеск
В лучах её всегда.

Покой. Движение. Покой...

Покой. Движение. Покой.
Огней шипящая печаль.
Над обесточенной рекой
Времён ржавеющая сталь.

И только вздох. И только стон.
И только... больше ничего.
Но открывается закон –
Причин случайное родство.

И если есть и хлеб и соль,
И если в чаше есть вода,
То молчаливой будет боль
И бессловеснее беда.

И встреча – белая, как ночь.
И расставание – как день...
Но счастья,
 что не превозмочь,
Уже воздвигнута ступень.

СВЕТ

Не в силах разъять неземное с земным,
Твой свет, соблазняемый тьмою,
Печали моей показался ручным,
Устав сопрягаться с прямою. –

С прямой, по которой текли времена
В зеркальную хрупкую память,
Былым напоивши меня допьяна.
И пропасть возникла меж нами.

Не знаю, в каких небесах ты теперь:
Оборваны струны наитий.
Но верю – найду потаённую дверь
В твою световую обитель.

И РАНЬШЕ ПРИШЛА... И РАНЬШЕ УШЛА...

И раньше пришла... и раньше ушла...
И силы понять – негде взять.
«Зовут, – говорила, – пора: дела.
Забудь и начни опять...»

С тобой, – прошептала, – мои слова
И горький бессмертья вкус.
Огонь и ветра, и полынь-трава,
И дней обветшалых груз».

Прощание белое, как туман.
Весла приглушённый плеск.
Молчание. Шёпот лесных полян.
И полночи звёздный блеск.

Я знаю – прозрачная, как стекло,
Играя тенями крыш,
Легко чередуя: темно – светло,
Теперь предо мной стоишь.

А где-то в воронку погибших дней
Стекает былая мгла.
На тысячу добрых сердец родней
Ты в ней для меня была.

Юность

погибшей в 2011 – 2012 гг. Алексеевской роще

подмосковной посвящаю

Мне вернуться бы в тот ельник,
Где гуляет в тишине
Юность –
солнечный бездельник –
И спешит покой ко мне.

Где стоит хрустальным замком,
Возышаясь до небес,
Обретённое внезапно
Ожидание чудес.

Чтобы гул моих печалей
И печальный стон разлук
Уместились бы случайно
В кукушний робкий звук.

Тёмно-мшистые тропинки
Увели б меня туда,
Где светились, как дождинки,
Позабытые года.

Там – зима ко мне лавиной
Перламутровою шла,
И весной наполовину
Для меня уже была.

Там лучами любопытства
Было всё озарено,
И сто раз я оступиться
Мог... а было всё равно!

Хоть забыты все тропинки,
Я брошу, покой храня,
И грибами из корзинки
Юность смотрит на меня.

ЗА КРУЖЕВАМИ БЕЛИЗНЫ...

За кружевами белизны
Густое таинство заката
В смущенье льдистой тишины
Тоску пьянят огнём муската.

И лиловоет белизна,
На плечи вечера спадая.
Устами тьмы, устами сна
Целует небо стынь седая.

В морозных токах декабря
Луна свои полощет перья.
Тревожной полночи снаряд
Зима взрывает в подреберье.

И миллион живых миров
Во мне сливаются в единый,
Который страшен и суров
Своей бездушной сердцевиной.

В котором нету божества
И нет времён преображенья
В живые мысли и слова,
В души свободные движения.

ЗВЕНЯТ КОЛОКОЛЬЧИКИ ЗВЁЗДНЫХ СЕРДЕЦ...

Вплетается страха пурпурный цветок
В бесцветные пряди сомнений,
И строит бессмертье над Летой мосток
В края неземных вдохновений.

Там тихо беседуют наши мечты,
Мерцая на звёздных ресницах,
О том, что мы счастливы были почти,
Земные бескрылые птицы...

Там сонно целует простор тишина,
Вселенским покоем омыта.
Там горесть забвением сожжена,
И ласковы лики событий.

Звенят колокольчики звёздных сердец
В сердцах одиноких поэтов,
И время чудес, как жучок-плавунец,
Плытёт от планеты к планете.

Почти не другие...

Зима говорит о вечерней звезде,
О вскинувшей чёрные крылья беде,
О праве не быть никогда и нигде
Неправой и невиноватой.

В избушке ночей обитает она,
Где льётся на крышу с небес белизна,
И гулом метелей в лесах сожжена
Холодная свечка заката.

Весна говорит о тебе, о тебе –
На птичьем наречье в лесной ворожбе,
Листая цветные страницы в судьбе
И радуги снов зажигая.

А я – молчалива, я знаю, что ты –
Апрель, окрыленный бессмертьем мечты. –
Такой, как во сне... ты такой же почти.
Я тоже почти...

не другая!

Я ВИЖУ, КАК ВРЕМЯ ГУЛЯЕТ...

Я вижу, как время гуляет по небу,
Легко поднимаясь по звёздным ступеням
Туда, где живёт одинокая небыль...
Где брошен в галактики вечности невод –
Ловить золотых пескарей вдохновенья.

В тех омутах звёздных так много земного,
Так много там плещется юного счастья,
Так много знакомого, сердцу родного,
Что, кажется, быть и не может иного,
Чем то, что встречаем привычно и часто.

Но тени событий там столь многоцветны!
Там всякая радость смеётся лучами
Добра, и всё жуткое кажется бледным.
Взрастает бессмертье квазаром несметным
Из той пустоты, где живучи печали.

А мы, согревая у печки покоя
Промокшие ливнями горестей души,
Небрежно к щеке прикоснёмся щекою.
В окно поглядев, скажем: небо какое!..
Как тихо! – шепну я. – Ты только послушай.

Светились полночи апрелем...

Светились полночи апрелем,
Цвели прозреньем времена.
Они в огнях весны созрели,
Роняя в вечность семена...

И дней ручьистых перезвоньи,
И шёпот тёплых вечеров
Пытались нам открыть законы
Непроницаемых миров,

Где разговаривает небо
С Землёю птичьим языком,
Где в марте тает первым снегом
Необратимости закон.

Где оживают камни истин,
Вдыхая звёздные ветра,
Где облетают скорби листья
С сухого дерева утрат.

Где бесконечное – конечно!
Где, разложим по степеням
Тревог,
смеётся мир беспечно,
Смотря в лицо грядущим дням.

И лиловато-серебристый
С небес я слышу смех его...

А май стоит, такой лучистый!

Как волшебство!
Как божество!

Раскольцованы времена

Раскольцованы времена
Раскаленностью прожитого.
Мысли пишут мне письмена
Из внезапного, из другого...

И границ, и пределов нет
Ни случайностям, ни законам.
И скучает лампадный свет
По молитвам да по иконам.

Параллели весны иной
Опоясали мир привычный.
За стеной ли, за спиной,
За отчаяньем – плач скрипичный.

И не то чтобы старость вдруг.
И не то чтобы нет исхода.
Просто чей-то далёкий друг
Не дождётся уже восхода.

ВЕСЕННИЕ СТРОКИ

Весна возвращается белой стрелой,
Небесной, воздушной, крылатой,
Пронзая ледовый звенящий покой
Кристально морозных закатов.

И тихо бегут по полям, по лесам
Лимонные сполохи марта;
И дни, расправляя свои паруса,
Срываются с зимнего старта.

Плынут и плывут осиянные дни
По небу, по солнечным водам
Туда, где мечты разжигают огни,
Где пьяные мреют восходы.

Там бликами полный блестает апрель,
Мерцает и пляшет по лужам –
Под шорохи мглы, под лесную свирель –
Нелепо, смешно, неуклюже.

И ландыш, собрав ослепительный май
По каплям росы на листочках,
Поспешно уходит в июневый край
Последней весеннею строчкой.

СЕВЕРНАЯ СТЕЗЯ

Холодной влагой северных широт
Пропитаны просторы снов и память,
Чей путь к тебе недолог и широк,
Неназванная страсти именами.

К тебе, чьи песни знает наизусть
Медвяным светом осиянный север,
Куда течёт река с названьем «Грусть»
И где отцвёл недавно терпкий клевер...

О северная светлая стезя,
Овеянная вересковым дымом!
Вернуться на стезю, увы, нельзя.
Лишь памятью такое достижимо.

Как не постичь случайностей в судьбе,
Не предсказать того, что будет с нами, –
Так не осться, прежняя, тебе –
Неназванною страсти именами.

ФЕВРАЛЬСКИЕ ВАРИАЦИИ

Февраль. Играет небо в бадминтон,
Ракеткой мглы подбрасывая солнце...
Одетый в снежно-льдистое манто,
Кивает лес в морозное оконце
Избушки, где живёт февральский день,
Танцующий, смешливый, синеглазый:
В избушке даже крыша набекрень
От топота весёлого и пляса!

И стены той избы не изо льда –
Из воздуха, который крепче стали.
А окна – многоцветная слюда
Времён, смотрящих в палевые дали. –
Туда воланчик-солнце упадёт,
Когда вдруг небеса играть устанут...

Потом придёт полночный лунный кот
И сплижет с неба звёздную сметану.

ДЕКАБРЬ

Осколками льда возвращается север
В чертоги лучистых времён,
Готовя зерно ледяного посева,
Смещая события в сон.

И спят – и леса, и остывшая память,
И прошлое тоже во сне.
И только грядущее не засыпает,
Не смея к весне закоснеть.

Сверкает печалью декабрьская вечность,
На снег тишиной пролита.
Ни тихого звука вокруг, ни словечка! –
Усталая спит пустота.

Ей снятся огни в бирюзовом тумане –
Ожившие души лесов,
Которые в тереме звонкого мая
Закроют печаль на засов...

Но севера пламя другое. Другие
Законы декабрьского дня.
И струны мороза, лихие, тугие, –
Угрозою тихой звенят.

И тихо смещается к ночи пространство
В усеянный звёздами клин,
В котором над снежной тропой растворятся
Закатной тревоги угли.

То ли дни короче стали...

То ли дни короче стали,
То ли я слабее стал,
Только потускнел местами
Яркой осени кристалл.

Лихорадкою рябины
Всё вокруг поражено.
Два луча, как два рубина,
Солнце бросило в окно.

ТЫ РОДИЛАСЬ ИЗ ПУСТОТЫ...

Ты родилась из пустоты
В скрещении лучей полдневных,
Наполнив мир моей мечты
Живым потоком слов напевных.

Весны мерцающая мгла,
Берёз морозное дыханье
И белых будней купола
Твоё хранили обаянье.

Качалось небо, уходя
В твой отмеченное лето,
И звонкой музыкой дождя
Ласкало слух кому-то где-то...

А ты бродила по лесам,
Ключом весны открыв просторы
Мной позабытым чудесам,
На окнах дней поправив шторы.

Лучи грядущего ко мне
В пределы тёмные проникли,
И – то, что будет – как во сне
Открылось в них...

на час? на миг ли?..

Сны Марии

Мария! бархат летних снов, тебя окутавший, непрочен.
Твой гость, молчащий до поры – уже устал, уже сердит.
Смотри: осенние огни – сжигают дни, сжигают ночи.
И сквозь слезу пустых лесов луна озябшая глядит.

И только тени тишины на облетевших листьях пляшут
Под вой осиновых ветров, под плач берёзовых лучей.
И журавлиный клин, как кисть, крылами птиц стирает сажу
С твоих задымленных высот и полирует тьму ночей.

Ты говоришь: «Мой мир погиб, душой и сердцем я ослепла».
Но это сон – пойми – лишь сон, его слова пусты, мертвы.
Среди осенних облаков, среди бессмысленного пепла
Найди, найди клочок своей неповторимой синевы.

И лёгкий трепет бытия, тобой забытый, вновь вернётся.
Сыграют на семи цветах твою мечту лучи зари.
Рассеяв дым и облака, в очах твоих проснётся солнце.
И гость, молчавший до поры, повеселев, заговорит.

Я закутался в солнечный лес...

Января серебристую брошь
На волнение улиц надев,
Городская тревожная дрожь
Замирала на коже дерев...

Я закутался в солнечный лес,
Промокая людской суетой,
И забвения серый навес
Тишина возвела надо мной.

На границе певучих времён,
Где и камень, как солнце, лучист,
Я вошёл в ослепительный сон,
Я нашёл запредельную высь.

Никогда не забыть этот день:
На полянах берёзовый свет.
И гуляет рассветный олень,
В небесах оставляя свой след!

Я направо гляжу – полутьма.
А налево – танцующий блик...
Так не хочется мне понимать
То, к чему я пока не привык.

Я закутался в солнечный лес,
Промокая людской суетой,
И забвения серый навес
Тишина возвела надо мной...

И ты, и я...

«Шипенье пенистых бокалов

И пунша пламень голубой» А. С. Пушкин

Неповторимостью звучаний
Двух камертонов бытия
В просторах встреч и расставаний
Пронзали время – ты и я.

Но были звуки разделимы
Сторонней белой тишиной,
И твой аккорд пронёсся мимо,
Сливаясь с кем-то,
не со мной.

Однако музыкой случайной
Пространство наше расцвело,
И, тишины рассеяв тайну,
В одно звучанье нас свело.

В земные тесные пределы,
В их переливчатый хаос,
Не думая, влетели смело,
Как будто ветер нас принёс...

Иное бытие настало,
Где привлекали нас с тобой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.

Но ты чего-то ожидала
Совсем другого.
Ты есть ты!..

Шипенье пенистых бокалов
Не заглушило той мечты,

Которой, видно, не узнают
Ни в небесах, ни на Земле.
Тебя влекла печаль лесная
В сырой осенней серой мгле.

Из самых тонких ожиданий
Тобой был соткан непокой.
В лучах прощений и прощаний
Светился пушкинской строкой.

И ты в его шелка одела
Разлуки нашей времена,
Сказав: тебе какое дело...
Забудь!
Забудь!

Забудь меня!

ЛЕСНАЯ ПАМЯТЬ

Лесная память собирает
В ларец янтарных поздних дней
И то, что мне казалось раем,
И то, что грустного грустней.

Лесная память солнценосна
И вечна, будто небеса.
Их яркий мёд испили сосны,
Открыв туманные глаза...

В сплетённой солнцем паутине
Осенних дней трепещет боль
О том, чего не стало ныне –
Мне душу выевшая моль.

А сам гляжу я на овраги
Уставшей осени моей,
В лесное царство светлой влаги,
В хрустящий свет календарей.

На корабли осенних далей,
На их цветные паруса,
В сырую тьму моих печалей
И в сосен влажные глаза.

И вижу в них огни былого,
Давно отцветшие огни.
О память, в сумраке лиловом
Ты навсегда их сохрани!

Одиночество

Между мной и тобой – сквозняки
Расстояний, ворующих нас
Друг у друга, предельно легки,
Словно кружево искренних фраз.

Меж твоей и моей тишиной –
Разговоры закатных лучей.
И бессмертие пахнет весной,
На твоём расцветая плече!

Меж цветными загадками слов
Оживает растерянность чувств,
Из которой всеядное зло
На обед подготовило грусть.

Одиночества бледный цветок –
Точно лилия в спящей воде.
Нарисуй мне разлукой восток,
Ты!

которая здесь – и нигде.

ТЬМА

Эту тьму, что пришла погостить ко мне, –
Ни впустить, ни принять. И стоит она,
Размыкая круги пустоты в окне,
Раздробив тишину на осколки сна.

И стоит, и молчит, и глотает дым.
Это полночь свои развела костры.
И заметны повсюду её следы,
И шаги, вдоль по душам, легки, быстры.

Только полночь и тьма, никого кругом.
И затерян мой дом в их пустых лесах.
И томлений о прошлом колючий ком
Вдоль по памяти катится прямо в страх.

Эта тьма, эта тьма – в никуда мой путь.
Путешествие в страны зеркальных дней,
Где, рассыпав предчувствий моих крупу,
Ожидание счастья кружит над ней.

ДЕТСТВО

Лунный мячик в луже –
Никому не нужен.
Солнышко на блюдце – тоже ни к чему.
В соловьиной трели
Будущим расстрелян,
Прошлый мир мой, где ты?
Где ты? – не пойму.

...Сон простой и ясный
Вижу я прекрасно:
Мы бредём по лугу летним вечерком –

Я и мой приятель.
Солнце – на закате.
И с небес слетает
Счастья светлый ком...

День смешной и рыжий...
Ласточки над крышей –
В памяти, как в капле, все отражены –

Выпукло и чётко.

Правда, век короткий?

Что молчишь, дружище?
Тоже видишь сны?

ВЕСЕННИЕ ПЯТИСТИШИЯ

Рассчитывая тензор темноты,
Весна кусала лунный карандаш.
Шуршали неба звёздного листы,
И мысли суетились, всё пусты,
И тьмой не мог наполниться пейзаж.

Палитра многоцветных вечеров,
Впитавшая напористость зимы,
Оттенками пятнадцати миров
Раскрасила времён глубокий ров,
Где – помню – были мы с тобою, мы...

Где было непонятно и светло,
Порхали мотыльки невинных фраз...
Но помню я: апрельское стекло –
Сквозь наши соты, плавясь, утекло –
Туда, где никогда не будет нас.

Под тяжестью молитвенных минут
Пространство сокращало свой объём.
Казалось, никого не будет тут.
Свой порох соловьи напрасно жгут,
Картечью песен раня окоём.

Быть может, нас и не было, и нет,
А лишь светила тусклая звезда,
Касаясь некой тайны сотни лет.
И память завязала в узел свет,
Который сохранила навсегда.

Я помню – как флагами тишины
Махала полночь, связывая всех.
Как были ею все окружены
Под смелым приказанием весны.
В плену её был так предсмертен грех.

И точечными выстрелами чувств
Расстреливала воронов тоски,
Прицелившись по тонкому лучу
Звезды, которой имя умолчу,
Настойчивости текста вопреки.

Но тьма не наступала, и тогда
В ряды по степеням остывших дней
Разложен был весенний кавардак,
И тихо стало – так, как никогда,
И снег пошёл,
И сделалось темней ...

Август

Ещё в едином русле не сошлись
Река отвесных дней с рекой пологих,
Но больше не зовёт густая высь
Отсутствием и многого, и многих.

Ещё не вдоль времён, а поперёк
Стирает память тень, темнее сажи,
Того, кто стал и жалок, и жесток,
И ничего без страха не расскажет.

На белую поверхность светлых чувств
Ложится ощущение повторов
Событий, разрисовывавших грусть
По прошлому, – бесстрастия узором.

Остыло ощущенье теплоты,
Но теплота пока что не остыла.
И падают созревшие плоды
С деревьев под названием «То, что было».

И на вопрос: а будет ли ещё? –
Ответ, как боль и как земля, коричнев.
Стонет сентябрь, бессмертием крещён.
А что за ним – бессмысленно, вторично.

ЦВЕТНАЯ МОЗАИКА ПРОЖИТЫХ ДНЕЙ...

Цветная мозаика прожитых дней
Мерцает огнями твоими,
И в зареве странном я вижу над ней
Твоё позабытое имя.

И будущность, словно кропя мне уста,
Стекает с креста всепрощенья.
А даль без тебя – и светла, и чиста,
И ждёт твоего воплощенья,

И в утренних росах, и в блеске дневном,
И в сумраке леса и ночи...
Но ты воплощаема только в одном:
В напевах рифмованных строчек.

А мир без тебя – задремавший октябрь,
Опившийся браги закатов.
Он тоже бесплотен, бездушен, хотя
Апрелем рождался когда-то...

Совсем опустели тропинки мои...

Совсем опустели тропинки мои.
Лишь память над ними совою летает,
И мысли кричат, будто вороны в стае,
Что осень дана одному – не двоим...

Что мир бесконечных цветных одиночеств,
Которыми чуткие души полны,
Натянут до звона осенней струны
На скрипке дождливой сентябрьской ночи.

И в танцах срываемой ветром листвы
Легко угадать отражённое лето:
Всё вроде бы то же безумие света,
Но дни в опадающем свете мертвы...

И циркулем в прошлом пропавшего счастья,
Его острием – воплощённой мечтой –
Очерчен магический круг несогласия
Души с приближающейся пустотой.

Вне круга того – декабри на излёте,
Внутри – расцветающий грозами май.
В том круге – грядущего знакам внимай,
Как свету огней на туманном болоте.

Снится

Приснился мой давний апрель,
Неброский, застенчивый, скромный,
Где мир, бесконечный, огромный
Вместила весенняя трель.

Где сумерки сказку шептали
Хрустальной сквозной тишине,
Когда начинали синеть
Лесные прозрачные дали.

Приснился доверчивый мир,
Мерцающий звёздами детства,
В котором душе отогреться
Легко было между людьми.

В котором, в котором, в котором
Я не был собою, а ты...
Гостила ещё у мечты,
Ко мне отпутившей не скоро...

Осколки счастливых времён
Царапают хрупкую память,
И вмиг высекается пламя
Родных позабытых имён.

И мир под названьем «Сегодня»,
Тускнеющий в дымке тревог,
Светлеет свеченьем его,
Становится к счастью пригодным –

На миг, на неделю, на год? –
Мне это совсем непонятно...
Повсюду – багровые пятна
Грядущих скорбей и невзгод!

Сознание тщетно стремится
Найти хоть какую-то цель,
Забыв, что мой давний апрель
По-прежнему снится и снится...

Рассветный солнечный пирог...

Рассветный солнечный пирог
Слоился в небе облаками...
На перекрёстке двух дорог
Копил былое мшистый камень.

На копья буден волшебство
Весны
Нанизывая метко,
Взлохмачен первою листвой
И суетой пичуг на ветках,

Парной апрель смотрел с небес,
Румяный и голубоглазый;
И влаги капельная взвесь
Цвела над топью непролазной,

В которой талая вода
Несла в безвременье остатки
Снегов,
Подтаявшего льда –
Весь мир зимы, больной и шаткий!

Светящий нитью времена
На бархат бытия ложились,
Когда лесной тропой весна
Брела в клубах искристой пыли.

И, зажигая солнцем дни,
Роняла воск полдневных бликов
В густую тьму, в сырье пни
Под хрип гортанный враньих криков.

Казалось, будущность парит
В просторе праздничной истомы
На крыльях утренней зари,
Торжественна и невесома.

ЛЕСНАЯ КЛУБНИКА

В цветении солнечных бликов
Храня постоянство своё,
Багряной лесною клубникой
Дремало моё бытиё.

Оно равнодушно качалось
На стеблях, пригнуtyx к земле,
И ягод созревшая алость
Блестела в небесном стекле

То красно-лиловою тучей,
То облаком цвета зари,
Которых полуденный лучик
Сияньем своим одарил.

Стрекозы беспечного детства
И пчёлы печальной поры
На ягоде, спелой, чудесной,
Не раз пировали пиры...

Но поздние сроки настали.
Последние вёсны пришли.
И стали родными печали
Моей постаревшей Земли.

Звенело последнее лето
Осколками тёплых секунд
И ржавым кромсало стилетом
Скорбей и печалей лоскут.

И ленты весёлых событий
Обвили стволы пустоты,
Пронзавшие трепет наитий,
Бросавшие тень на мечты...

Но спелой клубникой июля
Дремало моё бытиё;
Все радости быстро уснули,
Не смея отведать её.

ЗАБЫВАЯ ЗВЕНЯЩУЮ МУЗЫКУ СФЕР...

Забывая звенящую музыку сфер,
Где блаженство мечты расцветает,
Я бреду по Земле, неземной Агасфер,
И со мной – отрешённость святая.

Полнозвучием дней напитаю судьбу,
И в алмазном дожде вдохновений
На полдневных лучах сотворю ворожбу,
Чтобы ожили прошлого тени.

Чтобы полночь качалась на волнах веков
Серебристой забытою лодкой,
И чтоб зависть покинула сердца альков,
Уходя воровскою походкой.

Чтобы ярко сверкали тобой времена,
Позабытое прошлое счастье,
И зовущая в тайны миров тишина
Не рассеялась бы в одночасье.

ВЕСЕННЯЯ КАНТАТА

Смотря на весёлых небесных лошадок,
В карете везущих весеннее солнце,
Легко понимаешь:
Мир вовсе не шаток,
Но знают об этом лишь ели да сосны.

И знают ещё небеса и долины,
Молчащие мглою, поющие солнцем,
Хранящие тайны в сплетении линий
Руки Дульциней, не ставшей Альдоной.

Беспечные лица весенних событий,
Смотря в зеркала беспокойных сомнений,
В себе не находят печали, забытой
В просторах – пяти ли, семи?.. – измерений.

Я вижу: играют беспечные дети
На солнечных струнах в пылающих росах,
И небо, лукавый игры их свидетель,
Над ними – причудливым знаком вопроса...

Листая восток, обжигаясь зарёю,
С лесами толкуя на птичьем наречье,
Я сказку найду, а обычность – зарою
В земле оживающих противоречий.

ПРИВЕТ ТЕБЕ, МОЙ СЛАВНЫЙ ЮНЫЙ ДЕНЬ!..

Привет тебе, мой славный юный день!
Тропой цветов идёт ко мне, вздыхая
Огнём зари, неповторимость мая,
Вплетая в ночи снежную сирень.

Цветёт весна светящимися днями,
Кружится в небе солнечная пыль.
Привет тебе, моя земная быль,
Поющая весенними огнями!

В тени берёз и елей – полумрак
Врастает тишиной в апрельский полдень,
И в чаще луч, как будто перст Господень,
Касается блестящего ковра,

Лежащего на листьях прошлогодних,
На мхе, на пнях, на сучьях, на земле,
Которая бессильна разомлеть
Пока ёщё, в объятьях несвободных

Подтаявших снегов. Со всех сторон
Пространство, ожидающее звука,
Пронизано, как стрелами из лука,
Шипами оживающих времён...

Лиловый вечер тьму кладёт на плечи,
И лунный блик – доверчив и смешон,
И сны земли – тоски сжигают свечи,
И старый мир весной преображен.

НИ ЗВУКА, НИ СЛОВА, НИ ВЗДОХА...

Ни звука, ни слова, ни вздоха.
Откуда? – конечно, оттуда...
Зима, ожиданье, простуда.
Черства повторений лепёха!

Обиды в ночи растворяя,
Ты сам каменеешь под утро.
А после крыло перламутра
Помашет из горнего края!

На простины стынет былое
Просыпанной звёздною пылью.
Подняв невесомые крылья,
Порхает в пространство другое
Лимонница порванной жизни...

Какие слова здесь? – молчанье!

Но мир беспокоен, отчаян.
И время нервозно, капризно.

Скажи, зачем тобой пусты миры?..

Скажи, зачем тобой пусты миры?
В них без тебя – ни милости, ни силы.
Скажи, зачем ты вышла из игры
И никого об этом не спросила?

Тебя ввели мы за руку сюда,
В чертог времён, где прошлое – в грядущем
Затем, чтоб ты осталась навсегда,
И стала явь событиями гуще.

Чтоб череда нелепых дней и лет
Образовала некое мгновенье,
Которое струило б яркий свет
Иссякнувшей любви и вдохновенья.

А ты ушла за край шестых небес,
Где без тебя всё цельно и прекрасно.
Вернись, пойми, ты нам нужнее здесь.
Заполни чем-нибудь большую разность

Известных двух опасных величин,
Неявная зависимость которых
От трёх – пяти, семи, восьми... – причин
В линейную войдёт совсем не скоро.

Но тензор многомерный бытия
Свернётся до числа твою волей,
Когда вернёшься в ближние края
Под звоны поднебесных колоколен.

И тьма испепелит огонь,
когда
Стремиться будет вспять, к истокам, время.

Вернись скорей, пока горит звезда,
Как слово изначального творенья!

СЕРПАНТИН

Стирает время лица дней
С холстов потерянных картин,
Где был и чётче, и видней
Замысловатый серпантин

Огня и тьмы, разлук и встреч,
Приобретений и потерь,
Того, что больше не сберечь,
Того, что лишнее теперь...

И пылью солнечной февраль
Сверкает в дымке голубой
И пьёт завьюженную даль
Молчаньем сосен и дубов,

Печалью мраморных берёз,
Зовущих тусклую звезду,
Воспоминаньем летних гроз,
Тропой, которой я иду

Туда, где новый серпантин
В очередном своём витке
Откроет двадцать пять причин
Пролить тоску в моей строке.

ФЕВРАЛЬСКИЕ МИНУТЫ

Тянулись медленно февральские минуты.
В них не было ни страсти, ни тепла.
И день казался вечным, словно Путин.
И скучной, как Зюганов, ночь была.

О чём-то возбуждённо говорили.
Молчали принуждённо иногда...
Горел огонь морозной едкой пыли,
И на небо смотрели города.

Казалось, ничего не происходит.
И вряд ли тут чего произойдёт.
Бегут минуты. Год сменяет годик.
В толпу преобразуется народ.

И в воздухе витает: по-каковски
Теперь отнимет разум русский чёрт?
Ответ темней, чем мыслит Жириновский
И чем не мыслит бывший Горбачёв.

Не будет ничего... довольно пыла
Каких-то возражений и обид!
Ведь то, что может быть, – конечно, было.
Осталось лишь – чего не может быть.

За постоянством немоты

За постоянством немоты
В просторах вечных заблуждений
Живут забытые мечты,
Блуждают их живые тени.

А на осиях иных миров,
Где постигается бессмертье,
Нанизан сумрак катастроф
Земной бессменной круговорти.

Когда в дыму случайных фраз
Мелькают контуры вселенной,
Сколь ни бессвязен был рассказ,
Он будет истиной нетленной.

Но срок молчания велик –
Кому знакомо совершенство,
Непостигаемой Земли
Непостижимое блаженство.

Я хочу разузнать...

Я хочу разузнать, сколько будет гулять
Этот гул, этот шум в перелесках ночей?
И когда оборвётся вины твоей прядь,
Я сожгу её,
Вновь оставаясь ничей.

Где-то там, далеко, где всё время легко –
Ты осталась, забыв переменчивый край,
И пропала лучом между туч-облаков,
И не крикнула мне: «Выбирай! Выбирай!»

И гуляет по лесу, по полю твой гул,
И за память цепляется иглами дней.
Но не ты утопаешь в февральском снегу.
А другая, другая...

И я вместе с ней...

В жидкое олове снов растворяемый рай
Пал тоскою на дно сероватых времён...
Почему ж ты не крикнула мне: «выбирай!»,
Превращаясь в одну из забытых икон?

Кто-то утром в лесах разжигает костры.
Кто же это? – хотел посмотреть – не могу:
Слишком тени кустов и деревьев пестры.
Слишком блики остры на горячем снегу.

Круги

В пределах второго круга
Нам не найти друг друга...
Где б ни пролило время
Огненную тоску,

Схвачены неизбежным,
Биты грядущим, прежним,
Мы принимаем бремя
Метров, минут, секунд...

В пределах второго круга
Нас заметает выюга.
Нет, не снегами... может –
Хлопьями пустоты.

Где-то горят столетья,
Где-то вторая, третья
Жизнь обрастает кожей –
Плотью былой мечты.

Глянцевый отблеск смерти
На голубом конверте
Неба, в котором кто-то
Звёздами написал

Текст о пропаже смысла
В буквах, словах и числах, –
Солнечной позолотой
Нам ослепил глаза.

Не находя друг друга,
Бродим в пределах круга, –
Круга, который был нам
Первый, а стал – второй...

Третий, четвёртый, пятый...
В них – пустотой распяты!..
Но под крестом могильным
Камень всегда живой.

Полночь

Я помню тебя, одинокая полночь!
И ты не забыла, ты многое помнишь...
Обрезав ножом темноты
Незримые нити с былым расставаний,
Пронзаешь бестелость времён, расстояний.
И после, снежинкой застыв,

Холодным свеченьем приветствуешь вечность,
Плывущую тьмою над белою свечкой,
Горящей снегами зимы...
И кажется тихой дорога в бессмертье,
Но в это не верьте, не верьте, не верьте –
Обманет спокойствие тьмы!

Бессмертие – шарик на тоненькой нити,
Подвешенный чьей-то мечтою в зените,
Колеблемый небытием...
И мы, одолев над собою высоты,
Полночного мёда попробуем соты
Пред тем, как пребудем ничем!

От полночи вдаль разбегутся столетья,
И полночь рассыплется на междометья,
Секундами тихо звена.
Останутся в кипении прошлого света
На солнечных струнах игравшие дети,
Смотрящие в мир сквозь меня.

Оттенки

Ловец хрустальных состояний,
Не кратных тридцати семи!
Поймай пятнадцать расставаний,
А на шестнадцатом – пойми,

Что обретенья и потери
Взаимно отражены –
То многоцветностью истерик,
То белым тоном тишины.

Когда в пыли истёртой ночи
К нам страх врывается, как тать,
То все оттенки одиночеств
По пальцам не пересчитать,

И опрокинутое завтра
В ещё глубокое вчера
Чернильной каплею азарта
Стекает с кончика пера.

Я ДАМ ОБЪЯСНЕНИЕ ГРЯДУЩЕМУ ДНЮ...

Я дам объясненье грядущему дню
Разрывностью линий былого.
В копилке времён тишиной сохранию
Тщету объясненья такого.

На плечи беспечных загадок о том,
Что кровью пульсирует в венах
Событий,

Наброшен прозрений хитон,
Пошитый из ткани мгновений.

Усилие мысли – и порвана ткань.
И ветром космических буден
Обветрена кожа, белее листка
Бумаги, где вписана будет

Рукой наводнившей миры пустоты
История некой вселенной,
Где правила быть не собой так просты,
Что быть лишь собою – бесценно!

В ковше иномерных просторов, без нас,
Густеет бесцветное время,
И в меру длины обращается час,
Смущая вселенскую темень.

И там, где порой сгущены времена
До плотного дыма проклятий,
Роняет бессмертье свои семена
В сырой чернозём благодати.

Восходя к ДЕКАБРЮ...

От пасмурных дней восходя к декабрю,
Мой мир обживает цветные чертоги,
Жасминовой дымкой окутав зарю,
Былое упрятав в небесные тоги.

Обитель моя и пуста, и чиста,
И сотнями радуг под нею смеётся
Вобравшая мудрость веков высота,
Зарницей мигая закатному солнцу...

Ты шепчешь мне что-то, ты молишь: «Скажи,
Узнаю тебя ли в сиянии истин,
Где в прятки играют с мечтой миражи,
Где воздухом тайны пропитаны мысли?»

Молчи!.. и певучих лучей не спугни
Бездонной, как пропасть, словесною тьмою...
Пылают над вечной печалью огни,
Чтоб розы в снегу расцветали зимою.

Над тайнами встреч...

Над тайнами встреч с позабытым собой
Восходит цветущая памятью тьма,
И тихо трубит в поднебесный гобой,
Взобравшись на мачту мороза, зима,
Озвучив покой голубой...

О лезвие холода точит ножи
Седая, во снах отражённая, грусть.
Но мир мой пред нею давно не дрожит,
Повадки её разучив наизусть
По книге с названием «Жизнь».

В полотна времён зашивая простор,
Усталая мысль камнеет, она
Легко погружается в некий раствор
Таблетки истомы в кипении сна,
И гаснет сознанья костёр.

И близкое с дальним, сливаясь в одно
В зрачке ледяном остроглазой луны,
В иные миры открывают окно,
Где время, пространство не разделены
Законов высокой стеной.

Где точным лекалом провидческих дней
Очерчена горных высот кривизна.
Бессмертие птицей кружится над ней,
И бабочкой бьётся под ней новизна
Забытых, но верных идей.

Мысли

Не обратится вода в вино, а солнце в темень.
След поцелуя отцвёл давно – замерло время.
На бархатистых ресницах звёзд тают столетья
И упрощают любой вопрос до междометья....
В глянцевых снах неземных пространств мягкие тени
Судеб ложатся тоской на страх – так на колени,
Тихо мурлыча, покой храня, кошка ложится.
Жизнь, это можно понять-принять, – вовсе не птица...
Стынет небесных загадок ртуть между созвездий,
Бабочкой летней стремясь прильнуть к миру соцветий.
Полнится тайной, едва дыша, звёздная млечность.
И ни забыться, ни сделать шаг, и ни отвлечься –
В дальних пределах не можем мы, волей рассудка
Втиснуты в стены вербальной тьмы, горестно-жуткой.
Тихой толпою немых теней – прошлого знаки
Явью забытых осколков дней – бродят во мраке,
Где почему-то со всех сторон – тусклая память
Не забирает их в свой полон, но и оставить
В тесных покоях земного сна – тоже боится.
Жизнь (нелегко так порой познать) – вовсе не птица.
Мало пустот в бытии земном. Не развернуться.
Что – пять стагнаций – мне всё равно!.. что революций...
Кроме прохладной струи времён – нечем напиться
Духу, принявшему явь за сон. Стёрты границы
Между мирами, где я и ты – вечный двойник мой,
Где перспективы судеб пусты, некою сигмой
Обозначается то, чего слухом и зреньем
Нам не постигнуть, и нет его – нет озаренья!

Там, далеко, где не быть – нельзя, прошлое наше,
Памяти скользкой тропой скользя, – сколько я нажил
И потерял – мне покажет, но... после подсчёта
Ясно, что плохо: не всем дано – по звездочёту!

В ТЕБЕ ОДНОЙ – ОСНОВА ЖИЗНИ...

В тебе одной – основа жизни,
И ты одна – венец всему.
Слагая гимны сатанизму,
Его рассеваешь тьму.

Когда ты чёрное рисуешь,
Я вижу белые лучи.
Речей, произносимых всуе,
Не бывают холодные ключи.

Но страсть моя – твои печали.
А страсть твоя – моя тоска...
Мы часто днём с тобой молчали.
Нам так с тобою тьма близка!

... На утлой шхуне ожиданий
Уплыли в край иной весны,
Не замечая расстояний,
Туда, где властвовали сны,

Где радость бликами пылала
В лучах иного бытия,
И там взошла, алее лала,
Заря рассветная твоя.

ПЕРЕМЕННЫМИ ОГНЯМИ...

Переменными огнями
Освещая грани дня,
Сквозь томленье между снами
Время смотрит на меня.

То волненьем, то покоем,
То печалью поглядит,
То смешливое такое,
То сурово, как бандит.

Улыбается, прищурясь
Заоконной тишиной...
Я окно перекрещу, раз
Там мерцает мир иной,

И с небес его – прозренья
Падает метеорит,
И светящееся время
С ним о чём-то говорит.

На листе печали светлой...

На листе печали светлой
Переменою стихий –
От тепла
К дождю и ветру –
Набросаю я стихи.

Но печаль моя темнеет
От осенней пустоты,
И тускнеют вместе с нею
И надежды, и мечты.

Я зачёркиваю осень
Волей памяти своей,
Потому что сердце просит
Изумрудов летних дней.

Потому что одиночество
Мне опять не сосчитать,
Потому что в сердце ночи
Скукой целятся опять!

Потому что, ускользая
По тропе лихих секунд,
Дни светящегося мая
Нити счастья отсекут.

И покатится клубочек
Золотого бытия
Снова где-то между строчек,
А куда – не знаю я!

Бывают дни... (Валерию Брюсову)

Бывают дни губительных смятений,
Когда клещами страха чёрный рок
Сжимает сердце, бьющееся в лени,
Нам преподав несчастия урок.

И разум, и наитие не в силе
Освободить от гнёта злой судьбы –
Ни души, где цветы добра взрастили,
Ни мир мечты, где мы всегда рабы.

Одиноко

Как одиноко в тех местах,
Где похоронено былое.
Там в трепетании листа –
Оцепененье роковое.

Стихает пение синиц
Под гнётом мёртвого пространства.
Размытых прошлого границ
Не достигает шаг и транспорт...

Бывало, выйдешь за порог,
И – вот оно – смеётся детство
И дарит тысячи дорог
Да одиночество – в наследство!

Но вот и смех уже исчез
В событий беспокойном гуле.
... Да, сказка, нет твоих чудес,
И те, что были, – обманули...

Но всё же я, закрыв глаза,
На помошь память призывая,
Хотя б на миг вернусь назад.
Там ты! – душа моя живая.

Ком переживаний

В небезопасной темноте
Я спрятал ком переживаний.
Кто был свидетелями – те
Давно ослепли от страданий.

И хоть не вижу я его,
Но страх берёт меня во мраке,
Покуда знаю: ком – живой,
И подаёт мне злые знаки.

И я, и те, кто был в былом
Со мной, когда комочек прятал,
Найти не могут этот ком,
И темнота не виновата...

Ещё горит в душе огонь,
Но темноту не освещает.
В кулак сжимается ладонь,
Но страх мне пальцы разжимает!

КАК БЫЛО ПРЕЖДЕ – НЕ СЛУЧИЛОСЬ...

Как было прежде – не случилось.
Сpirаль былого замерла.
Прими грядущее как милость,
Твори, мечтай, и все дела...

Но далеко, в просторах энных,
Пребудет будущего твердь,
Где всем хватает переменных
Для описанья темы «смерть».

От обещаний до прощаний –
В зеркальном теле бытия –
Тоннели долгих ожиданий
Проделала
судьбы змея.

В их лабиринтах потеряли
Ядро первичности своей.
Витки тугие злой спирали
Нас закрутили вихрем дней.

И мы легли унылой пылью
На зеркала иных миров,
Где небыль властвует над былью,
Где счастье – в могни катастроф.

Июльская элегия

Виолончельною печально звучал июль,
И дни бежали в алом зное быстрой косуль.

Воспоминаньем о прохладе томил меня
Еловый лес, кукушки плачом в покой маня.

И я вошёл под своды елей, в их терема,
Где мхом шепталась под ногами сырья тьма,

Где мне мерещилось былое за каждым пнём
И в памяти моей мерцало живым огнём.

И тихо блики танцевали, и пела мгла,
А сердце болью прошивала времён игла.

Простор, лилов и ароматен, напомнил храм,
Куда я с трепетом и верой шёл по утрам.

Свечой алтарною стояла вдали сосна,
Держа на кроне пламя солнца, и – докрасна

Был раскалён над нею воздух, а мысль моя
Парила птицею уставшей в других краях,

Где было вольно и просторно моей душе,
Куда не в силах я вернуться давно уже.

Виолончельною печально звучал июль,
И дни бежали в алом зное быстрой косуль...

По мостовым, по тротуарам...

По мостовым, по тротуарам
Маршировал осенний дождь,
И запад, облачённый в траур,
Сказал: ты больше не придёшь...

Цвело тревожное молчанье
Тюльпаном лопнувших надежд,
И сердцем чётко различаем
Был счастья прежнего рубеж.

А ливни пуще всё хлестали,
Шлифуя неба синеву
До остроты дамасской стали,
Косившей жухлую траву.

Горчило осени начало
Твоим отсутствием в судьбе,
И небо – плакало, кричало,
Ветрами ухая в трубе.

Другие часто возвращались
И оставляли тени зла,
Но ты их тьмы не освещала
И только в памяти жила.

В ничто...

Сгорая в пламени росы, луга туманами дымились,
И на космических весах день перевесил ночь.
И был так радостен восток, всем оказал толику-милость, –
Смахнув ресницами лучей ночную темень прочь.

В небытие, в мечты, в ничто – он обратил былую данность.
Смыканье стрелок на часах кромсало тот фрагмент,
В котором было всё вот так – случайно, мило и спонтанно,
В музее памяти оно теперь какrudимент!

Сырой восток рисует знак рассветной тонкой кистью в небе,
Танцуют тени облаков в объятиях лучей
На кронах дремлющих дерев, где полыхает птичий лепет,
И замирает боль веков у дуба на плече.

Но почему-то всё вокруг – разобщено, несовместимо.
И нет гармонии былой – ни в небе, ни в душе.
Событий славных череда проносится всё мимо, мимо:
Удача мимо цели бьёт, причём давно уже...

ОСЕННИЕ ВАРИАЦИИ

Песком золотым сквозь небесное сито
На Землю осыпалась осень,
И небо – до звона покоею разбито –
Ударами гулкими озарь.

Оно, рассыпаясь на тысячи лужиц,
Пронзило уснувшие чащи
Острийшей стрелою ноябрьской стужи
И снегом, печалью блестящим.

Избушка лесничего, старясь, ветшая,
Несспешно отправилась в вечность.
Никто в этом странствии ей не мешает.
Притихли и мыши за печкой...

Блуждая по первому снегу, по бликам –
По огненным пятнам – увидишь:
Гуляет былого двойник бледноликий.
К нему не захочешь, да выйдешь...

Леса и сады улыбаются грустно
Багряной густой тишиной.
Молчание – это, конечно, искусство –
Почувствовать осень живою...

УТРО

Рассвет, задумчив, нерешителен,
Уча какой-то свой закон,
Легко общался с небожителем
Весёлым птичьим языком.

Чирикал, тенькал и посвистывал
Живой бесформенный комок
В переплетенье хвои с листьями,
И всё устать никак не мог.

И ощущенье пряной праздности
В разноголосой пестроте
Дразнило,

образуя разности
Оценок чуда в красоте.

Лишь там, где сырость изначальная,
Камыш, осока, молочай –
В траве, отчаяньем качаема, –
Ютилась некая печаль.

Ведь утро, медленно скользящее
По тёмной чаше бытия, –
Не что иное, как блестящая
Слеза, о Господи, Твоя...

Наблюдение

Я видел, как, зажжённая зарёю,
Горела ярым пламенем роса
И над травой, спешащая за роем
Каких-то мошек,
мчалась стрекоза.

Переливаясь радугой, сверкала,
Разбившись отраженьями в росе;
И понял я, что целой жизни мало –
Увидеть мир во всей его красе.

Ночная миниатюра

Синей бабочкой лесною
В паутине темноты
Билась позднею весною,
Тронув крыльями цветы,

Полночь,
Звёздною пыльцою
Опыляя небеса,
Где – луны полукольцо и
Бездны тёмные глаза.

От биенья крыл полночных
Трепетала темнота.
Паутина, хоть и прочно
Полночь сцепала, но та

Порвала её, на запад
Улетела. А клочок
Паутины трогал лапкой
Злой рассветный паучок.

Радужное прошлое

«Звезда Маир сияет надо мною» (Ф. Сологуб)

Осколки разбитого детства
Мечты искромсали мои...
От прошлого некуда деться.
И где он, далёкий Маир!

Пронизаны радостной дрожью,
Проносятся годы, а я
В грядущее по бездорожью
Иду, за предел бытия.

Мелькают забытые лица,
Фрагменты былого. Они
Меня призывают молиться
За прошлые грешные дни...

А лучики воспоминаний
Погасли, не греют мой мир.
В свинцовом осеннем тумане
Померк мой желанный Маир...

Молюсь, чтобы не было боли
От счастливо прожитых дней
И чтоб, обедневши судьбою,
Не стал бы я духом бедней.

Грядущее свяжет, конечно,
Тугою петлёю невзгод
Крыла, на которых беспечно
Душа совершила полёт.

Оно роковой пеленою
Окутает радужный мир,
Но вновь заблестит надо мною
Зовущий в иное Мир!

Война

Куда ни посмотри – везде святынь
Лучистые забытые останки...
От воли очумев, цветут цветы,
Наполнив ожиданьем полустанки.

Здесь время, откличав, отголосив
Сирено-канонадным плачем, воем,
Бродило вдоль запретной полосы
Под памяти всевидящим конвоем.

Здесь небо, утолив печаль по дням,
Когда мертвящий дух стоял в пространстве
И рок войны над всеми меч поднял,
Оглохло, пребывая в скорбном трансе.

Кто знает! – над болотами потерь
Ещё, быть может, мгла воспоминаний
Рассеется, но крикнет: «Нет, не верь!..»
Нам ворон, пролетев над валунами.

Куда ни посмотри, сквозь пламя дней –
Иных огней мерцающие знаки...
О мире вспоминаем на войне,
Покуда мир бесчинствует во мраке.

Война – не поругание святынь,
Не смерть людей, не плач вдовы солдата...
Война – когда в лугах цветут цветы
Ни для кого... и ничего не свято!

ТРЕВОЖНАЯ ЭЛЕГИЯ

За мною наблюдали злые мысли
Тенями обезлистенных дубов.
Грехами облака над ними висли,
Скрывая в небе присную любовь.

И снегом распушился по равнинам
Тяжёлым снам предшествующий день,
Где ветерок разбойником былинным
Забил в просторы холода кистень.

И тихо вдаль былое уходило
Шагами умножавшихся утрат.
А времени чадящее кадило
На всех, кто был спокоен, тих и рад,

Струило тяжкий дым воспоминаний,
Скрывающий грядущее во мгле
Фрагментами былого, именами
Всех тех, кого не стало на Земле...

Музыкант

Сыграй каденции судеб,
Мой терпеливый Музыкант!
Ты на людском земном суде
Не оправдаешь свой талант.

На белых клавишах миров,
На аспидных – небытия –
Играй, невидимый герой,
Пока ловка рука твоя.

Движенье – музыка времён.
Синкопы – молнии секунд.
Играй, весельем заклеймён,
Рассей вселенскую тоску.

Горящий факел тишины
Сожжёт безумный твой порыв,
И все мы будем лишены
Простого счастья до поры...

Ну а пока играй, играй –
Минуту? Век? Секунду? Час? –
Пока наш мир ещё не рай.
И вряд ли станет им для нас!

Болото

Тропы к тебе узки, ржавой водицей полнятся.
Кружатся мотыльки факелами тревог.
За колдовскою тьмой дня затихает звонница.
Делает разум мой в сказочное рывок.

Боже! я снова здесь... Ты ли, обитель прошлого,
Взору открыла лес, чахлый, седой, больной.
Небо кладёт в него солнечную горошину,
Синий пролив раствор капельной тишиной

На вековую топь, кочки, кривые ёлочки,
Где проживёт лет сто ворон – хозяин тьмы,
Где раздаётся вой – поздно – в безлунной полночи
Старенький водяной чует приход зимы...

Летом – дыханье мха, всхлипы трясин. Заметнее
Жизни людской труха именно летом, здесь,
Где по утрам туман солнце шлифует медное,
Ядом болотным пьян, медленно гибнет лес.

Осенью красный дым по-над тобою стелется.
Что это? Мы горим в пламени прошлых лет?..
Или мечты горят? Или сгорает мельница
Нашей судьбы?.. Объят в будущее билет

Этим огнём?.. Но вот – вижу: редеет марево.
Осенью каждый год так опадает лист
Тощих берёз, осин... цвета всё больше карего
На полотне сырому зимних простых кулис!

Снежная волчья даль крестиком сосен вышита:
Кажется иногда кладбищем всех надежд.
И лишь былого тень здесь на просторах выжила:
В лопнувшей пустоте время зашило брешь...

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Отрицая превосходство расстоянья над событием
И сплетая паутину хаотичности миров,
Торжествуют над причиной – озаренья и наития,
Открывая и скрывая сроки бед и катастроф.

Обращая озаренье в потемнение бумаги,
Всё прочнее и прочнее устанавливаем связь
Между точным и случайным, отвергая силу магии
И сюжетов сновидений переливчатую вязь.

Хор небесный, не смолкая, пропоёт о том, что будет,
А потом он приутихнет, откровеня исчерпав.
И задует время свечи, а тепло забытых судеб
Сгинет в холода могильном на костях и черепах.

Только где-то на болотах пламя бледно-голубое
На мгновенье загорится и погаснет на века,
И забытое былое – злое, доброе – любое
Обратится под золою, под землёю в червяка...

Что останется? – немножко: горя маленькая ложка.
Что же будет в этом мире? – только то, что не сбылось!
... Снова путь пересекает чёрная, как дёготь, кошка.
За окошком – всё медведи трутся о земную ось...

Тишина

Горячим воздухом июня –
Обозлена, обожжена –
По чаще, пьющей полнолунье,
Волчицей кралась тишина.

В неё стреляли детским плачем
И гулким рокотом машин,
И солнце прыгало, как мячик,
На дне её глухой души,
Когда был день.

От гула, шума
В колодцах пряталась она
И в корабельных тёмных трюмах.
На то она и тишина!

Пугаясь дня, пугаясь солнца,
Стремясь на волю,
Не смогла
Таиться долго в тех колодцах,
Где луч – как острая игла!

И из последних сил, под вечер,
Пустилась в чащу, в темноту,
Чтоб не страдать, чтоб не калечить
Густую волчью красоту.

Но гвалтом воронов на кочках
Настиг её рассветный залп,

И – две звезды,
Две тусклых точки –
Погасли искрами в глазах.

Подвал

Никакого намёка мне никто не давал
На простое сравненье: время – это подвал.
Не скользящая лента неудач и потерь,
На которой – и «завтра», и «вчера», и «теперь» –
Словно кадры на плёнке чередой пронеслись
Через кинопроектор под названием «Жизнь»,
Не предмета над тенью превосходство, и не
Вертикали над плоским превосходство вдвойне.
Не блестящие грани многомерных пространств,
Не побед над случайным неизменная страсть...

Время – это лишь погреб, на полу в нём лежат:
Кукла детская, компас... и какой-то ушат,
Два набора для шахмат, и один – домино,
Мячик, детский конструктор, позабытый давно...
И ешё – в виде пыли – мысли, мысли одни...
Мне их жалко, поскольку потускнели они.

Или вовсе их нет там? да и быть не должно?
Ведь в подвале хранится, что хотелось мне, но
Не сбылось, не случилось... Даже в памяти нет!

Время это ещё и – в неизбежность билет...

Но, минуя сознанье, пролетают года,
Оседают в подвале,
Не оставив следа
На окраине тихой, где стоит некий дом,
На стенах и на крыше, да и в доме самом.

Сладкая сказка

Солнце рыжей кошкой
Щурится в окошке.
Сахарная вата – эти облака.

День походкой бравой –
Правой, левой, правой –
Марширует бодро – прямо на закат.

Пусть дожди прольются, –
Выпьем их из блюдца, –
Дождик будет – сладкий ароматный чай,

Потому что тучи
Мёдом смазал лучик –
Из небесных ульев – собран урожай!

... Вот на небе чисто!
Лапкою пушистой
Солнышко умылось, – спать ему пора.

И луна на троне
В золотой короне
Будет этим миром править до утра.

ПРОГУЛКА

Настоящего нет. Обручаюсь с прошлым,
Я ступаю по старой, сгоревшей роще,
И вдыхаю событий грядущих запах,
Позабыв в темноте, где восток, где запад.

Впереди огоньками болота блещут,
Открывая, насколько первичны вещи:
Травы, мох, небеса, осины...
В лихорадке туманов дрожат трясины.

Как стрелой, я пронзён уходящим летом,
И луна острие заостряет светом.
Понимаю – быльые события всё же
Мне больнее сегодняшних и... дороже.

В этом мире и звёздный покой не вечен.
Каждый зверя числом навсегда отмечен,
Потому что всегда на него делимы
Все просторы и жизни людей и длины

Тех предметов, которых никто не знает.
Не помеха незнанье (иль новизна их),
И, затёртые мыслью, события, даты –
На века на кресте бытия распяты!

... Как сгоревшая в прошлом когда-то роща –
Никогда о пожаре былом не ропщет,
Дым рассеяв по воздуху в тех пределах,
Где душа никогда не покинет тело,

Так и я в настоящем – грядущим связан,
О прошедшем своём позабыть обязан,
Доверяя реальность какой-то точке,
Словно та до вселенной разбухнет точно.

... Настоящего нет! И в сознанье пусто.
Старой мухой под снегом уснуло чувство...
Я, в былом проживая, творю законы,
От нелепых картин отличив иконы.

Захожу в позабытую сном сторожку,
Тихо дверь открываю в ней. Осторожно
Зажигаю в киоте огонь лампады,
Понимая, что большего и не надо...

ПЕЙЗАЖ

День лениво доедал ягоды заката.
Медвежонком по сосне на небо залез.
Звёздным платьем шелестя, ночь брела куда-то
И платок лиловой тьмы бросила на лес.

В белом ру比ще туман шастал по низинам,
Бородатый и седой, – прошлый день искал.
Космы длинные его путались в осинах
И клубились над водой, будто облака.

Замолчало всё вокруг, словно ожидая,
Что появится вот-вот из иных миров
Что-то важное для всех: (искра золотая?)
И сорвётся с бытия таинства покров.

Колдовская тишина взорвала пространство.
И оттуда полетел тёмных истин рой....
Но в лучах зари он стал быстро растворяться,
А потом совсем исчез в небе над городом.

Поглотил его рассвет, крылья расправляя
Над туманом, над рекой, над ночною мглой....
И падучая звезда – точка голубая –
Вмиг зашила небеса тонкою иглой.

Хрустальное

Хрустальная чаша рассвета
На Землю весну пролила...
В потоках лучистого света
Блеснули два белых крыла,

И птицею звонкоголосой
На ветку уселся апрель.
Роняя прощальные слёзы,
Пропела, блестая, капель.

Кружка мотыльковой метелью,
Весенние сумерки шли,
И пали туманы под ели
Дыханием талой земли.

К утру розовеющей дымкой
Дремотный окутался лес;
И день воссиял, как снежинка,
Упавшая с алых небес.

А в полдень ручистые флейты
Запели на все голоса,
И вскоре румяное лето
Вошло торопливо в леса...

ОСЕННИЙ ФРЕГАТ

Небесным лоцманом ведомый
В цветную бухту сентября,
Корабль осенних окоёмов
В туманы бросил якоря.

На мачтах корабельных сосен
Качнулся парус облаков
Фрегата под названьем «Осень»,
Плыvущего в простор веков.

... А утром якоря подняли,
И, разрезая гладь времён,
Поплыл в тоскующие дали,
Сливаясь с призраками, он.

Пройдя все зимы и все вёсны,
Вернётся в гавань сентября,
И эти мачты, эти сосны
Спалит прощальная заря...

Испив тишины

Хрустальной тишины испив,
В объятьях света
Под осени хмельной мотив
Уснуло лето...

Унылое скользит пятно
В свинцовых тучах,
Бросая в мутное окно
Багровый лучик.

Расстроенный ветров клавир
Звучит устало.
На атомы разбили мир
Дождей фракталы.

Ночь

Холодное небо коснулось Земли
Сырым снегопадом,
А в полночь созвездия тихо зажгли
Цветные лампады.

Земного томленья навек лишена,
О чём-то мечтая,
По снежной пустыне плыла тишина,
Как воздух, густая.

Лиловая тьма растворила звезду
В хрустальном бокале,
И долго её на подтаявшем льду
Созвездья искали...

В ночи замелькали и дни, и года –
Метелью, порошней, –
Которых уже не вернуть никогда,
И таяли тоже...

И лунные блики цвели на снегу
Пресветлой печалью,
Ответом на вечное «Нет! Не могу!..»,
Свечною венчальной.

По снежному лесу летали во мгле
Полночные тени,
Харонов предел открывая Земле,
Рисуя смятенье.

ПРИБЛИЖЕНИЕ СТАРОСТИ

Задохнулся, пропал мой мир в бытии трёхсном.
Ускоряясь во много раз, упывало время.
На окне рисовала тьма то ли знак вопроса,
То ли ставила знак «тире», как черту на кремне.

Утро, горечи лет испив, обжигалось болью,
И восток покраснел – подобно больной гортани.
Прострелил облака рассвет, разрядив обойму
Нетерпения темноты...

От пустых скитаний

Побледнела луна в петле, облаками свитой,
На звезде – на гвозде она, приуныв, болталась.
... И брела, обретая тень, обрастаая свитой
Потускневших картинок дня, королева Старость.

Закрутилась позёмка лет по лихой спирали.
Замелькали снежинки дней, дорогих, ушедших;
На судьбу сединой ложились и... умирали.
И врывался в окно октябрь – беспокойной векшей.

Когда потеряно мгновенье

Когда потеряно мгновенье
В лесной осиновой глуши
И невозможность повторенья
Его – как рана для души...

Когда в сознании всплывает
Событий позабытых ком
И сердце вдруг слезу роняет
Прощальным палевым лучом,

Когда – «потеря за потерей»,
Мерцает гаснущий огонь,
Билет вселенской лотереи –
Листком кленовым – мне в ладонь...

Дожди серебряным пунктиром
Перечеркнут в былое путь,
И так захочется над миром
Душе, как бабочке, вспорхнуть,

То – что поделать! – наступила
Опять осенняя пора.
... «Банально» – скажешь...

Но как мило
В саду играет детвора!

Самолёт тоски хрустальной...

Ослеплён осенней сталью,
Сонной синевой небес,
Самолёт тоски хрустальной
Посреди лесов исчез.

Расслоился, растворился
Средь седеющих осин,
В искры снега обратился
И в мерцание трясин...

В угасающие мысли
Засыпающей совы,
В нарисованные числа...

Да во что ни назови!..

Снова снежные постели
Расстилает нам зима,
Снова залы опустели
Для цветного синема...

МАЙ

Хмельное лето разливает
По окоёму терпкий день,
Прощаясь с ландышевым маем,
Надевшим шляпу набекрень.

Окутан яблоневым цветом,
Румяный май спешит туда,
Где вечно бледные рассветы,
Болотный край и холода...

Идёт на север, зажигая
Огни сирени. Перед ним
Ступает тихо тьма лесная –
Струит подснежниковый дым.

Остановка!..

Остановка!.. платформа «Детство»! –
Голоса... голоса... голоса...
И куда же от счастья деться,
Если взгляд летит в небеса!

Остановка!.. платформа «Зрелость»!
Тишина. Тишина. Тишина...
Обнаглевшая озверелость!
Оголённая боль – сильна!

Остановка!.. платформа «Старость»?
Я – с тобою. Ты – не со мной!
Остаётся, увы, усталость.
Оставляю покой земной.

Остановка!.. платформа «ТРАУР»! –
Оглянулся: всё – позади!
Приближается «скорый» справа.
Останавливается... в груди.

Не спорю...

«Всё вокруг бездушно,
Дико, непонятно.
И на солнце даже –
Тёмненькие пятна.

Всё вокруг – подделка.
Ничего – живого!» –
Говорит мне кто-то,
И я верю снова.

С ним я и не спорю:
Бесполезно... тошно...
Потому что знаю:
Всё живое – в прошлом.

На просторах тьма гуляет...

На просторах тьма гуляет,
Камышами шевелит.
Эхом и собачьим лаем –
Воздух августом прошит.

Оглянулся: там ли, тут ли –
Ожидание цветёт.
Остывающие угли
Рассыпает небосвод.

Утро смело улыбнётся.
Рассмеётся тишина...
И за лесом оборвётся
Одинокая струна.

ПОРАБОЩЕНИЕ

Кем созданы спирали метафизик,
Опутавшие истины панно?
И мирозданье всё – под властью мистик,
Чьей дикой волей порабощено?

Какие силы, действия и тайны
Сокрыты в столь лихом потоке дней?
И где для нас — закон, а где — случайность?
И почему мы – лишь игра теней? –

Предметы, порождающие тени,
На поле бытия бросают нас,
И времени незримое свеченье
Нам освещает истины алмаз.

Но мы слепей кротов, и наши мысли
Не могут лучик времени поймать,
Покуда не почувствуем те выси,
Откуда к нам нисходит благодать.

Порочные и низкие стремленья,
Коварно овладевшие душой,
Лишают нас предчувствий и прозрений,
Стирая наши души «в порошок».

Вот так поэт, художник или мистик,
Забыв про озарения зерно,
Плетут, плетут спирали метафизик!
И мирозданье порабощено...

Реальность

(сонет)

Наш мир – иллюзия, ведь он
Реален только в наших мыслях,
Страстях, эмоциях и числах,
Определяющих закон,

Где аниону – катион
Дан в соответствие. Их жизни
Выстраивают механизмы,
Которыми и сохранён

Наш мир. Его существованье –
В невыполнимости слиянья
Двух антиподов бытия,

И этому помеха – время
Как невозможность расширенья
Земного – в горние края.

МАРТ

Звонко разбился январь
Льдинками дней.
Пала туманная хмаръ,
Прошлое – в ней.

Марта легчайшая дрожь –
По небесам.
Солнца приколота брошь
К серым лесам.

Ласково смотрит с небес
Ангел весны,
Плавно вращает в судьбе
Ось тишины.

НИ СУДЬБЫ, НИ СТРАНЫ...

Холода обжигают лицо.
Блики солнца упали на снег.
Закатилось судьбы колесо.
Веет ветер, а слышится – смех!

И берёзы, осины, дубы
Тщетно тянутся ветками вверх.
Ни зимы, ни страны, ни судьбы,
И прозрение разум отверг.

Холода обжигают лицо.
В синеве утопая, бреду.
Замыкается снова кольцо.
Снова мир в одноцветном бреду.

Открывается медленно глаз
Равнодушной к земному луны.
... Ни покоя, ни жестов, ни фраз.
Ни любви, ни судьбы, ни страны...

ТЕРПЕНИЕ

Когда воцарился безумный царёк,
Восславились двое – Курок и Ларёк, –
Народы молчали.
Народы молчали, когда на войну
Бессмысленно выродок кинул страну,
Все были в печали.

Народы молчали... молчат и теперь,
Когда государство окрепло, как зверь,
Оскаливши зубы.
Готово бедою потешиться всласть! –
Такая уж чёрная дикая власть, –
Работает грубо...

И снова беда за бедою растёт,
И вновь у подъездов толплится народ,
Несчастный, забитый!
Века он молчал, и теперь он молчит!
Терпения нить – натянулась – скрипит:
Ничто не забыто!

А ежели вдруг оборвётся она, –
Узнает героев родная страна!

Фёдору Сологубу

Бесчисленность столетий
Пробыв в небытии,
Про всё узнав на свете,
Нашёл пути свои.

По тем путям скитался
В томлениях земных
И прахом дней питался –
Пороков огневых.

Но дух мой поругался
С бездущием телес.
Он рвался, рвался, рвался
К творению чудес.

Меня пронзали стаи
Отравленных страстей.
Рассыпался, истаял
На множество частей.

Опять я воротился
К обители небес.
И дух мой испарился
И дальний мир исчез.

Опять блуждаю мило
По звёздам, небесам,
И знаю: то, что было,
Я всё придумал сам.

В России быть...

Быть гением при жизни –
не успеть.
Великим быть при жизни –
позабыться.
Чтоб гением стать –
нужно умереть.
А чтоб великим –
вовремя родиться!

НА ПОРОГЕ ДЕКАБРЯ...

Солнце бросило палевый луч улетевшему лету,
И просыпало небо на землю искристую пыль.
Загорелись холодным огнём ледяные рассветы,
Обращая в красивую сказку несносную быль...

Ослепительно ясно в уснувшей берёзовой роще.
Тишина в этот край непременно теперь забредёт.
У рябины рубиновый дар подо льдом заморожен.
Оживляется бликами серый лесной гололёд.

По-осеннему ухают совы и гулко, и мрачно.
И последний кленовый листок мне в ладони летит.
И молчанье лесов так сурово и так многозначно,
Что... никто никогда никому ничего не простит!

НЕ ЖАЛЕЙ НИ О ЧЁМ

Не жалей ни о чём. Позабудь. Позабудь.
За окном пролита кем-то звёздная ртуть.
И скрипят отсыревшие двери.
И висит родниковой слезою луна,
Отражая в себе имена-времена,
Умножая печаль на потери.

Не скучай. Не скучай. Образуется круг,
Вне которого шествуют сотни разлук,
А внутри только встречи да встречи.
Если в дверь постучат – ты гостей прогони.
Тёмной ночью с добром не приходят они.
И не слушай за дверью их речи.

Не пиши никому, не пиши ни о чём!
Обожги себя ярым рассветным лучом,
И – получишь ты то, что хотела!
Но закатных лучей не встречай, не встречай,
Потому что закаты сгущают печаль,
А зачем тебе – чтобы густела?..

ЗАБУДЬ ЕЁ...

Забудь её, мой страстотерпец март!
Пускай зиме свои слагает гимны.
И пусть зима – метельная зима –
Опутает сетями сна тугими
Её мечты и сказки – те, что в ней
Гнездились, словно птицы. Пусть узнает,
Как доживать свой век под спудом дней,
Не понимая – осень ли, весна ли
Дымит золою медленных минут
В огне времён, убогом, бледном, тусклом,
Когда – что плыть по жизни, что – тонуть –
Без разницы! Покинутая чувством,
Она забудет вещие слова,
Что оживляют землю, камни, скалы.
Её не закружится голова,
Когда найдёт того, кого искала...
Забудь её, мой трепетный апрель!
Пускай полюбит льдистые узоры.
Прости за то, что холод ей согрел
Предсердие
своим колючим взором.
Она вернётся. В это верит май.
Она придёт: всё в мире повторимо
И поправимо...
Каждая зима
Стремится роль весны сыграть без грима.

ЗА БЕЛЫМ КРАЕМ ТИШИНЫ

За белым краем тишины
Кинжалы слов обнажены,
И сталъ безвыходных высот
Щекочет злобою висок.

Кромсает ненавистью дни,
В которых призраки одни,
В которых – белая тоска
И страха розовый оскал.

Там свет – осколками стекла,
Там темень – острая игла –
Вшивает в дремлющий простор
Снов нескончаемый узор.

Они во мне отражены
Пределом новой тишины.
А в зеркалах иных времён
Сам тишиною отражён!

В повторах этих до поры
Легко рождаются миры,
Где появляется Она,
Чьё имя носит тишина...

В ГЛАЗАХ ТВОЕЙ ВЕСНЫ...

В глазах твоей весны – померкшие просторы
И пламя наших встреч, угасшее почти.
Плытвёт по небу дым не медленно, не скоро.
Сквозь дым на небесах прочти меня, прочти.

Моей весны глаза полны недоуменья,
Которое кричит отсутствием твоим
Во всех живых мирах, где скальпелем сомненья
Из плоти мыслей-чувств – твой образ сотворил.

Я знаю – заберут, я верю – не оставят
Январские снега, сентябрьские дожди
Кромешную печаль, отмеченную славой
Побед над тем, что есть, что будет впереди.

На лицах давних лет, хранящих наши встречи,
Я памятью своей целую каждый миг.
Скажи, зачем теперь изломан, изувечен
Тобою прежний мир, который я постиг?

Зачем иголки дней, не сбывшихся, напрасных –
Всегда терзают мысль и память о тебе,
Цепляясь за любой, пусть даже малый, праздник,
Который светляком летает по судьбе?

Я чувствую, что ты – ни слова мне не скажешь,
И путь земной пройти придётся одному...
Но, зная это всё и, может, больше даже,
Надеюсь, что тебя когда-нибудь пойму!

СТЕКЛО ВЕСЕННИХ ДНЕЙ...

Стекло весенних дней
Сияет бирюзою,
Становится светлей
Апрельскою слезою.

Промыто тишиной
И вакуумом звука,
Прозрачное оно,
Как с юностью разлука.

Я вижу сквозь него –
Смелеющее солнце
И бледный небосвод,
Ленивый, полусонный...

Морозных дней смола,
Под солнцем разогрета,
С весеннего стекла
Стекает в блюдце лета.

Душистых вечеров
На дне его чайники.
А к чаю – всем пирог
Со звёздною начинкой...

Стекло весны дрожит
На сквозняке событий,
И кажется, что жизнь
Нова и неизбита.

И сквозь него – она
Светла и невесома...
Но всякая весна –
Увы, не аксиома!

Я иду по тропинке прошлого

Ольге О.

Я иду по тропинке прошлого,
Где звенит колокольчик юности,
Где вплетаются сны певучие
В очарованный лунный луч.

Под ногами сверкает крошево
Каблучками разбитой лунности,
И зарница глазами слuchая
Мне мигает с небесных круч.

Прорастая в тебя наречьями,
На которых вещают сумерки
О поющем весной бессмертии,
Восхожу красотой к тебе.

Посмотри, как сияет вечное,
Как печали бесславно умерли...
И посланники милосердия
Разжигают костры в судьбе!

Листая дни

Ольге О.

Листая дни при сумеречном свете
Моей зимы, смотрящей на восток,
Я сны зову, поющие о лете,
И жгу тоски заснеженный листок.

Я знаю – дни – подобны снежным птицам.
Их путь туда, где мир неизменим,
Где не грустны земных событий лица,
Где мой рассвет бессмертием храним.

Я восхожу ступенями мгновений
В чертоги сна, в сквозную тишину,
И там со мной веков играют тени,
И я в волне безвременья тону.

В осколках дней на тлеющей планете
Взойдут ростки нетлеющей любви.
Они уснут, мечты свободной дети,
Но будут ли разбужены людьми?

А где же ты, мой лучший день июля?
Какой тропой – небесной ли, земной –
Идёшь ко мне, пока цветы уснули,
Чтоб разбудить их встречею со мной?

Когда метель пришла за мною...

Когда метель пришла за мною,
На зимний путь вручив билет,
Тогда последней тишиною
Прочерчен был разлуки след.

И повела звезда печали
По следу этому туда,
Где вдруг навеки замолчали
Для нас поющие года.

Читая будущность по лицам
Былых событий, дней былых, –
Я замечал миров границы –
Всех тех,
Что жили в снах моих.

Когда пространство прорастало
В бесстепенье ночи, я ловил
Прозренья отблеск бледно-алый –
Исток познания и сил,

Слепящий все мои разлуки
С неповторяемым былым.
А утром солнечные звуки
Слагали дням грядущим гимн.

И пели солнечные блики
Свою лучистую печаль,
А через край небес пролитый
Покой мечты мои венчал.

Река судьбы текла устало,
Омыв иные берега,
И небо душное упало
В окаменевшие снега!

БЕЛОЮ МГЛОЙ ВЫЗРЕВАЕТ ПРОСТОР...

Белою мглой вызревает простор,
Где оживает погибшее прошлое,
Где прорастает в него настороженно
Вечных потерь ядовитый росток.

Время густеет во мгле одиночества
И замирает в ладонях разлук...
Предоющая безвыходный круг
И постоянные злые пророчества, –

Некто является в дымке чудес
Из лабиринта тоски, неизбежности,
В знаках судеб исправляя погрешности –
Малую, скромную данность небес.

И, по-другому сшивая мгновения,
Он понижает предел пустоты,
Где позабытые бродят мечты
По ледниковым дорогам забвения.

Он шёл по третьему лучу

Он шёл по третьему лучу
Звезды, зажжённой на востоке,
Касаясь слова «разлучу»
Печалью трепетно-жестокой.

Касаясь белого огня
Пережитых противоречий
Прохладой гаснущего дня,
Предощущеньем новой встречи

С каким-то промельком в ночи –
Напоминаньем о прошедшем –
Хранящим к прошлому ключи,
Себя в грядущем не нашедшим...

По звёздам плыли корабли
Невероятных соответствий
Огней небес – теням Земли,
Покой везущие из детства.

А он смотрел в тугую тьму,
Жгутом стянувшую просторы,
На все вопросы «почему?»
Ему бросавшую укоры –

То замедлением времён
На пустырях ночных событий,
То возведением в закон
Погасшей истины забытой.

И взгляд его, пройдя сквозь ночь,
На гранях утра отражённый,
Вернулся, чтобы снова прочь
Уйти, поверив непреклонной

Периодичности всего,
Что обозначено мирами,
Где предсказуемость живёт
И где случайность умирает.

НАВЕРНОЕ, ТАК...

Моя жизнь никому не нужна.
И не греет померкшая память.
Тишина надо мной. Тишина...
Обращается в скорбную заметь.

Никогда , и нигде, и ни в чём
Не почувствую больше живого.
Не согреться весенним лучом.
Не оттаять сочутственным словом.

Никого мне не надо теперь,
Да и сам никому я не нужен.
Пусть ворвётся в открытую дверь
Очумевшая зимняя стужа.

Пусть напомнит она о тепле,
Что когда-то меня согревало,
О любви, о весне, о тебе
И о том, что всё это пропало.

А когда прекратится метель
И снега заблистают рассветом,
Упаду навсегда в их постель.
И никто не узнает об этом.

Бродя тропою серых дней...

Бродя тропою серых дней в плену пугливых ожиданий,
Я заблудился, потеряв среди бессмысленных теней
И то, что мучило меня, и что влекло в поток желаний,
Но смог я путь найти, когда – лучом ты посветила мне.

Над суетою бытия твои лиловые зарницы,
Полны полночного огня, мне освещали синеву.
Моя мечта под небеса к тебе стремилась белой птицей
И, не постигшая высот, звездою падала в траву.

Хмельными чарами луны бокал души моей наполни.
Пускай он вовсе не хрусталь, но напитай его огнём –
Горящей магией любви, и заблистает летним полднем,
И будет бликами слепить, чтоб не забыла ты о нём.

Ты опрокинь его, испей! И время тихо закружится
Пыльцо белых мотыльков, на веки опускаясь нам.
И загорится тишина, и воспылают наши лица,
А всё былое отпадим на растерзанье временам.

Я буду помнить о тебе, когда рассыплет время знаки
Невероятных перемен, и мы расстанемся во мгле
Скорбей и прочей маеты, потом рассеемся во мраке.
Но это после... а пока пребудем вместе на Земле.

СВЕТ НОЯБРЯ

Отражённый стеною скучающих дней
И пропитанный дрожью иных измерений,
Горний свет ноября – ты, как память, во мне
Сфокусирован зеркалом ярких мгновений.

Угасанье твоё – не прошедшего тьма
И не сумрак грядущего времени злого.
Просто скоро на окнах узором зима...
Просто кем-то забыто заветное слово...

На устах тишина, и на сердце – вина.
Золотая обитель давно опустела.
Бесконечность – и та бесконечно одна.
Для другой – декабри расставляют пределы.

Один из путей

Тихое кружение звёздных пространств
Быстро убаюкало злую судьбу...
Кто-то мне нашёптывал: всё позабудь:
Знания, традиции, творческий дар,
Счастье, вожделение, злобу и страсть...
Направляй наитием в небо радар!

Мысленно исполнил я просьбы его.
Память окружила вдруг синяя мгла!
Сквозь укоры совести страсть истекла
Чёрными потоками. В ком-то другом
Стала безысходностью, после чего
Некто опечаленный стал мне врагом.

Вирус одиночества умер во мне.
Так ли это значимо, с кем я теперь?..
Главное – бездушие больше терпеть
Надобно, ненужно ли – мне всё равно.
Снова в том, что было я? или вовне?
Или бытие во мне?.. очень темно!

К высшим измерениям путь недалёк.
Надо же, а думалось – так далеко!
Кем-то подгоняемый, тайной влеком,
Скукою ускоренный, быстро бреду.
Вижу – ожидание, как мотылёк,
Мечется неистово, словно в бреду.

Двигаясь по лестнице скользких времён,
Вскоре я приблизился к энным мирам,
Где от напряжения дух замирал.
Связи меж событиями рушились там.
Мира многомерного общий закон
Мультиголограммою ярко блестал.

О любви... на мотив Фёдора Сологуба

Я приду к тебе лесной дорогою,
Оглушаем ночью злыми лунями,
На кресте рукой венок потрогаю,
Набирая силы в полнолуние...

И луна скорбит тоской высокою,
И молчат печально ели старые.
И огнём болотным над осокою
К небесам летит душа усталая.

Мы с тобой томились в заточении
На Земле, тугим бессмертьем связаны,
Но познал я грешное учение,
И слова заклятий были сказаны.

Загорелась ты печалью жгучею
И, ко мне влекома злою силою,
Похотливой жаждою измучена,
Успокоена была могилою.

Я стою на этом старом кладбище
И припоминаю наше прошлое,
Как с тобою собирали ландыши
И берёзовой гуляли рощею.

ТЫ НЕ ТАКАЯ...

В гробу ледовых стылых дней зима заснула.
И блик весны дрожал на ней, на снежных скулах.

Тепла не чувствуя, она во сне искала
Страну, где стынь и белизна, где льды и скалы.

И на лице застыл декабрь, едва заметной
Улыбкой, чопорной слегка – бесстрастья меткой.

А слишком ярый – в сотни жал – январский холод
На остирях ресниц лежал, на них наколот.

И – вспышек магния белей – блестели кудри
Морозной дымкой февралей – искристой пудрой.

Весна! Хмельная теплота! Глоток токая!
Ты всё равно не та, не та...

Ты – не такая...

Ты проснулась...

Ты проснулась... Улыбалось
Солнце лучиком в окне.
Сна рассеянного малость
Приотилась в тишине.

Искупалось и остыло
Солнце в локонах твоих...
Где любимый? Где твой милый?
Счастье – где для Вас двоих.

Как бывало? – на неделю
Страсть... на две недели... три...
Те, кто были – надоели.
Их из памяти сотри...

Принимаешь с пеной ванну,
На балкон выходишь ты,
Окунув в дымы «Гаваны»
Все домашние цветы.

И стоишь ты на балконе,
Руки трепетно сомкнув,
Для одних – сама Мадонна,
Для других – кокотка «Буфф»!

День хрустальной вазой блещет,
И пьянящее аи
Золотистым солнцем плещет
На запястия твои.

А никто ничего и не ждал!

... А никто ничего и не ждал!
И зима очень долгой казалась.
Много сложного – всё, как всегда.
А простого – ничтожная малость.

Беспокойная стайка берёз,
В небе крыльями тихо махая,
Отгоняла упрямый мороз
От небесной обители мая.

Май пока ещё в небе, пока
Не спустился на Землю, однако –
Он лучами играл в облаках...
А в лесу, невзирая на слякоть,

Суетился апрель под сосной,
Растопляя снега, и, конечно,
Огонёк появился лесной –
Улыбнулся кому-то подснежник.

И, когда работяга апрель
Гнал ручьи по снегам, по оврагам,
Над землёю рубином горел
Льдистый воздух...

Туманная брага
Растворялась в мерцающих днях
И роняла в проталины капли...
И леса лепетали звена,
И деревья стояли, как цапли,

В полыхающей талой воде,
Все пиликали, перекликались...
И плескался сияющий день
В бирюзовом небесном бокале.

А потом, усмехаясь грозой,
Май вошёл в эти пьяные рощи,
Кучерявый, весёлый, босой...
Вот и всё!
... а бывает ли прощё?

Стуча колёсами

Стуча колёсами на стыках передряг,
Сквозь серый сумрак опустелой стылой жизни,
Пронёсся скорый, сокрушая всё подряд:
Надежду, веру – то, чем жил, чему был рад,
И светом фар мне на прощанье в душу брызнул.

И восставали из подвалов, тайников
Моей души – толпою дикой – злые гномы,
Гремя цепями заржавевшими оков,
Пугая стайки белокрылых мотыльков
И нарушая мерный цокот метронома.

Но я бездействовал, а поезд вдалеке
Ещё насвистывал прерывистым фальцетом,
Желая будто указать на то мне, кем
Я смог бы стать... струился холод по руке...
И доктор вату подносил ко мне пинцетом.

Что было после? – Открывали в ночь окно.
Иглою рдяной прошивали горизонты.
Загнали карликов души моей на дно.
Едва посвистывал ушедший поезд, но:
«Проснись, – сказали, – это просто видел сон ты».

РАССВЕТНОЕ

Обожги меня туманом,
Земляничная заря!
Поцелуй меня прохладой
Голубого октября.

Напои меня покоем
Ты, малиновый рассвет!
Окуни в зеленоватый
Бархатисто льдистый цвет.

Дремлют сонные поляны
В серебристой тишине.
Я иду, унылый странник,
Тихо и спокойно мне.

Позабытое былое
Замелькало впереди.
Услаждаюсь я покоем
На неведомом пути.

Я иду, унылый странник,
Удивляясь чудесам. –
Почему тоска и счастье
Вместе – я не знаю сам.

Солнечный мёд

В еловой весне новый день воскрес.
Он рос. Небеса тяжелели.
И треснуло в полдень стекло небес.
Осколки упали на ели.

На блики рассыпался небосвод,
Лиловые тени пригладив.
И солнечный лился на землю мёд,
Густея в хрустальной прохладе.

Потом растекался по хрусталю,
Янтарный, сияющий, тёплый,
Леса осветляя, как крик «люблю» –
Бесчувствия мутные стёкла.

Струился по мху, пробираясь там,
Где скользкая тьма приютилась,
В забытые сказкой навек места,
И сплизывал зимнюю стылость.

Но в блюдце коралловой тишины
Во снах растворился под вечер,
И ночь расплескала цветные сны
На хрупкий покой человечий.

ДВОЕ...

Я помню старый тёмный дом,
Ступени лестницы, и третий
Этаж, где жили мы вдвоём,
И – никого на целом свете.

Где по ночам встречал его –
Пусты отныне коридоры.
К нему почувствовал родство,
Не заводя с ним разговоры.

По разным комнатам к утру –
Я помню – мы с ним расходились.
Шептал он: «Скоро я умру»
И утопал в потоках пыли. –

«Мой друг, пребудешь ты один,
Но не скучай, к чему печали?
Ведь ты же знаешь – впереди –
О чём мы долго так молчали...»

Потом был день – тяжёлый день,
А за окном сияло небо.
Цвела герань, и было лень
Идти на улицу, за хлебом.

И я ложился на диван
И ждал, когда лучи заката
Исчезнут вместе с сотней ран,
Которыми душа объята...

ВАРИАЦИЯ

Пылая сиянием лунных лучей,
Дрожа от порханьяочных мотыльков,
Налей, опрокинь мне в бокалы ночей
Жасминовой неги твоих лепестков...

Ты в чаще пьянящую полночь пила
Горчащей, крепчайшей струёй тишины,
И таяла на небе льдинкой луна,
И капали блики, печалью полны.

Ты плачешь... ты больше не будешь цветком.
Ты – лунный огонь на дубовых стволах;
И то, что служило тебе лепестком, –
Рассеялось, словно туманная мгла.

Но скоро ты станешь далёкой звездой,
По лунным лианам поднимешься ввысь,
И блёклые дни промелькнут чередой.
А ты, умоляю, не падай, держись!

НЕБЕС ПОТУХАЮЩИЙ ВЗГЛЯД

Небес потухающий взгляд...
И дни – серебристей и тоньше...
Замедли движение, гонщик
Времён, по планете Земля!

И в солнечных сонных сетях,
Забыв о грядущем бессилье,
Забился крылами сентябрь,
Но в тучах запутались крылья.

Влажнее, воздушнее высь,
И Север всё ближе и ближе,
Лучистой прохладою вышит,
Как жалостью – грешная мысль.

И пламенем снежных секунд
Охвачена память о лете –
Цветной полинявший лоскут,
Просроченный счастья билетик...

Связи

Прозрением простужены и мысли, и мечты.
Копается в копилке бытия старуха-память.
Но образы прошедшего, забытые почти,
Являются туманными июльскими ночами
Скрипящим звуком старых половиц,
Мерцанием зарниц...

Пространство не напомнит о свободе никогда,
Покуда клетка времени крепка, и не пустует
Событиями, при этом невозможно передать,
Что кроется за тайным, посекундным, тихим стуком
Хронометра, квантующего дни
Периодом одним.

Меняет постоянные небесный часовой,
И с ними корректируются времена и пространство,
Галактики смещаются, и серою совой
Туманность между звёздами пытается пробраться...
Меняемый невидимой рукой,
Период стал – другой!

Однако ослабляются спирали мыслеформ,
Закрученные в дальние эн-мерные пределы,
И снова уменьшается квантованный простор,
Случайному событию покоряясь то и дело,
И время – непрерывно, и опять
Пора воссоздавать

Другие, переполненные зыбкостью миры,
Похожие на призраки, меняющие свойства,
Гармонией исполненные только до поры,
Пока не поменяется закон мироустройства,
И сын опередит отца и мать –
В стремленье умирать.

Когда неприводимо бытие к небытию,
Пульсирует на тайне отношений их к сознанию
Неявное – чему определений не дают,
Не в силах отказаться от абстракций мирозданья –
То иррациональное звено,
Которым скреплено

Единство ощущения первичной пустоты,
Сквозящей из космического хаоса наитий,
И знанья, нам знакомого, как клиру монастырь. –
Сцепляются звеном причины, следствия, события.
И мыслей отрешённых череда
Им скована всегда!

ЛЕДЯНАЯ ПРИНЦЕССА

Всем – тьма и снег! Всем – царство льда!
Принцесса – на ледовом троне.
Блистаёт луч в её короне.
Сияет в полночи звезда.
К утру поднимется принцесса,
Пройдётся по опушке леса,

И гомон дальних птичьих стай
К ней прилетит, весной влекомый...
Когда дремотная истома
Навеет ей: «Растай! Растай!» –
То слёзы протекут ручьями,
Искрошил солнце снег лучами.

Она поднимет взор, грустна,
И тень на бронзовых ланитах –
Слезой хрустальною омыта.
Молчат холодные уста.
И расцветает на востоке
Бутон рассвета одинокий...

Морозный полдень рассыпал
Её волос златые пряди
По снегу бликами. Изрядно
Подтаявший зимы кристалл
На солнце вспыхнул, заискрился,
Капелью звонкою пролился.

Смеялся солнечный ручей,
И в том ручье она смеялась.
Потом, почувствовав усталость,
В плененье мартовских лучей,
Исчезла, обратилась льдинкой,
Повисла над землёю дымкой...

ВРЕМЯ ХОРОНИТ ПРОСТРАНСТВО МОЁ...

Время хоронит пространство моё
В тесной могиле забвенья.
Кто-то унылые песни поёт.
Рвутся привычные звуки.

Я бы поверил, что это не так,
Новые формулы вывел.
Но обнаружил погибельный знак:
Что у фортуны на вые.

В звёздный туннель убегают года,
Искры мгновений мерцают.
Те, кто отстал, – не придут никогда.
В памяти бьются сердца их.

Вижу – снега на закате горят
Алой запёкшейся кровью.
Вижу – печальный свершает обряд
Вечер, нахмутивши брови.

Милая, прошлая, – из темноты,
Ты ли ко мне воротилась?
Но почему ж так суровы черты!
Ну не молчи – сделай милость!

Но расцветает в ответ тишина
Злобою, чёрным укором.
Это не ты, а другая... она!
Та – что внезапно и скоро...

Время хоронит пространство моё
В тесной могиле забвенья.
Кто-то унылые песни поёт.
Рвутся привычные звенья.

В НЕМОМ ДРОЖАНИИ ВРЕМЁН

В немом дрожании времён
Плохим подобием куста,
Где разум чувством не пленён,
Меняя сути всех имён,
К нам тянет ветви пустота.

Шипами бледных тусклых дней
Цепляясь за руку судьбы,
Она господствует над ней,
В просторах делая темней
Прозрений пёстрые столбы.

Пускает корни в чернозём
Случайных мыслей, действий, фраз,
Которые произнесём,
Припоминая обо всём,
Что мучило хотя бы раз.

И – лишь касание одно,
И сами – опустошены;
Глядим в окно, а за окном –
Зимы блестящее панно,
Цветное чудо тишины.

И – если крик, то между ним
И заоконной тишиной –
Той пустотою разделим
На там и здесь, как пилигрим,
Уставший мир – стучит в окно.

Но стук в сомненьях растворён,
Как в турбулентности звезды,
И вязким оловом времён
Под звёздный лепет, тихий звон
Текут событья в никуда.

Нам пустоты не изменить.
Она – константа бытия,
Что отрицание хранит
Того, что ты есть – ты, но я
И сам не знаю, где твоя,
А где моя змеится нить

Судьбы ли, жизни – ничего
Не понимаю в пустоте.
Пройдёт секунда, миг, и – вот –
Пустой вещает небосвод
Что все, кто есть, – совсем не те...

ЦВЕТОЧКИ, ЦВЕТОЧКИ...

Цветочки, цветочки...
И чёрная лента.
В глазах огонёчки
Остывшего лета.

В нём зеркало жизни
Задёрнуто шторой.
Иссохшие мысли.
Потухшие взоры.

Как было – не вспомнить.
Что будет – не знаю.
Объятия комнат?
Тропинка лесная?

Цветочки, цветочки
Поникли, завяли.
Забрызганы строчки
Янтарной печалью.

Голубка под солнцем.
Опавшие листья.
И солнце в оконце
Осеннее, лисье.

И так одиноко,
И так безвозвратно...
Что будто бы много
О многом понятно.

ВРЕМЕНИ

Поцелуй меня, время, улыбкой весеннего взгляда,
Уколи остирем темноты в непроглядной ночи.
Если было бы большее... большего, впрочем, не надо!
Да и меньшего тоже желать не имею причин.

Над бессовестным бытом, над тьмой потускневших прозрений
Поднимите меня, уходящие ввысь времена,
И последним аккордом мелодии всех невезений
Пусть звучит надо мной ослепительная тишина.

На причалах пустых никогда и нигде не встречал я
Ни фрегатов, ни шхун, цепенея от холода звёзд.
И пространство водило меня от причала к причалу,
На дороги пролив остывающей памяти воск.

Я бродил и бродил по бесцветному миру, однако
Вспоминали меня иногда небеса, и тогда
Рассыпались предчувствия яркими искрами знаков,
Ослепляя последнего счастья цветные года.

Раствори, бесконечность, осколки пропавшего мира
В помутневшем растворе прошедших забытых веков.
Зачеркни на листе бытия неизбежность пунктиром
Озарений.
Пусть будет душе – и светло, и легко.

Улыбнись, бесконечность, огнями счастливых событий,
Озорными очами чудес на меня посмотри.
Без тепла твоего я скитаюсь забитый, забытый
В обездушенном мире холодной закатной зари.

НЕБЕСА МОИХ ПЕЧАЛЕЙ

Я открою тебе небеса
Кучерявых печалей моих,
И качнутся твои полюса,
Рухнет хрупкий мир для двоих.

И опять белой пеной ночей
Буду я одиночество пить,
И хрустящим словечком «ничей»
Заедать его вязкую прыть.

Этот мир – что потерян – не мой:
Стану я постоянно внушать
И себе, и разлуке немой,
И тому, что зовётся «душа».

Но печалей моих небеса
Разразятся внезапной грозой,
И сверкнёт, ослепляя, гроза
Покаянной твою слезой!

ТЕМНОТА МНЕ ПОЁТ О ТЕБЕ

Темнота мне поёт о тебе
Под охрипшую дудку метели.
И полно ледяных голубей,
Что ко мне от тебя прилетели.

Что расселись на ветках берёз
И воркуют мерцающим светом,
Отвечая на скромный вопрос:
Неужели ты счастлива где-то?

Но густая мелодия тьмы
Забивает прозрачные клювы
Многоцветным испугом немым,
Бесконечным терпением лютым.

И внушиает душе непокой,
Заметающий время снегами
Обманувшего счастья рукой,
Усмехающегося над нами.

Но ясны в освещении снов
Позабытые милые лица...
Я твой сон обойду стороной,
Чтобы ты захотела присниться.

ТРИОЛЕТЫ

Цветы ночного беспокойства

(триолет)

Цветы ночного беспокойства
Повиты лентою зари.
Мне в чаще сумрак подарил
Цветы ночного беспокойства.

Во тьме – тревожней мира свойства,
Но утром – на восток смотри:
Цветы ночного беспокойства –
Повиты лентою зари!

Дыша болотными огнями...

(триолет)

Дыша болотными огнями,
Цвело предчувствие чудес.
Покой листал печаль небес,
Дыша болотными огнями.

Когда простор играл тенями,
Я замечал – и там, и здесь:
Дыша болотными огнями,
Цвело предчувствие чудес.

Я повторяю слишком часто...

(триолет)

Я повторяю слишком часто:
Любимый тьмою любит свет...
О том, что в миге – сотни лет! –
Я повторяю слишком часто.

И, понимая, что несчастья
Без счастья в дальнем мире нет,
Я повторяю слишком часто:
Любимый тьмою любит свет.

СМОТРЮ Я ТОЛЬКО НА ВОСТОК

(триолет)

Смотрю я только на восток –
На жемчуга рассветных далей.
Читая новых дней листок,
Смотрю я только на восток.

Чтоб не казался мир жесток
И ярче мысли расцветали,
Смотрю я только на восток –
На жемчуга рассветных далей.

И СМЕРТЬ, И ЖИЗНЬ, И КРАСОТА...

(триолет)

И смерть, и жизнь, и красота
Умом совсем непостижимы.
Достойны чистого листа –
И смерть, и жизнь, и красота.

Покуда смысла полнота
На части ими разделима, –
И смерть, и жизнь, и красота
Умом совсем непостижимы.

ПРОСТРАНСТВО – ФУНКЦИЯ УМА

(триолет)

Пространство – функция ума,
Преобразующая время
В мечты, события, прозренья.
Пространство – функция ума!

И пусть сомнений в этом – тьма,
Но даже в энных измереньях
Пространство – функция ума,
Преобразующая время.

И ТЬМА, И СВЕТ – РАВНОВЕЛИКИ

(триолет)

И тьма, и свет – равновелики
В судьбе, теснимой пустотой.
Таков закон, совсем простой:
И тьма, и свет – равновелики...

Так говорят цветные блики,
К теням пришедши на постой:
И тьма, и свет равновелики
В судьбе, теснимой пустотой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>ПРЕДИСЛОВИЕ</u>	3
<u>ЗВУК</u>	10
<u>ОЧНУТЬСЯ ДАЛЁКОЙ ПЛАНЕТОЙ</u>	12
<u>ФОРМА ПЕРВАЯ</u>	13
<u>ПОЛЁТ</u>	15
<u>МАЙСКАЯ НОЧЬ</u>	16
<u>СЕНТЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ</u>	17
<u>ДИАЛОГ (СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК...)</u>	19
<u>СНЕГ</u>	21
<u>НОЧНАЯ ЯЩЕРКА ДУШИ...</u>	22
<u>ЧЁРНО – БЕЛОЕ</u>	23
<u>КОГДА УШЛА ТЫ В НОЧЬ...</u>	24

<u>ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ.....</u>	25
<u>ЧТО БУДУ Я ДЕЛАТЬ ВЕСНОЙ?..</u>	27
<u>ВЕСНЫ СКВОЗНАЯ СИНЬ.....</u>	29
<u>ОДНАЖДЫ ОСЕНЬЮ... ..</u>	30
<u>ПОД СВИРЕЛИ ВЕТРОВ.....</u>	32
<u>КРУЖИТ НАД ЕЛЯМИ КОРШУН луны.....</u>	33
<u>СТАНЦИЯ «ОСЕНЬ».....</u>	35
<u>КОГДА СО ДНА ГАЛАКТИК ПОДНЯЛСЯ.....</u>	36
<u>ВЕЧЕР ВРАЧУЕТ ПРОСТУДУ ЗАКАТА.....</u>	37
<u>КОГДА Б.....</u>	38
<u>ВОСПОМИНАНИЯ.....</u>	39
<u>В МОИХ СТИХАХ.....</u>	40
<u>ДВЕ ЗВЕЗДЫ У ТЕБЯ В КОРОЛЕВСТВЕ НОЧЕЙ.....</u>	41
<u>СЛУЧАЙНОСТЬ.....</u>	42

<u>ТЕМНОТА</u>	43
<u>ПОКОЙ. ДВИЖЕНИЕ. ПОКОЙ</u>	45
<u>СВЕТ</u>	46
<u>И РАНЬШЕ ПРИШЛА... И РАНЬШЕ УШЛА...</u>	47
<u>ЮНОСТЬ</u>	48
<u>ЗА КРУЖЕВАМИ БЕЛИЗНЫ...</u>	50
<u>ЗВЕНЯТ КОЛОКОЛЬЧИКИ ЗВЁЗДНЫХ СЕРДЕЦ</u>	51
<u>ПОЧТИ НЕ ДРУГИЕ</u>	52
<u>Я ВИЖУ, КАК ВРЕМЯ ГУЛЯЕТ...</u>	53
<u>СВЕТИЛИСЬ ПОЛНОЧИ АПРЕЛЕМ...</u>	54
<u>РАСКОЛЬЦОВАНЫ ВРЕМЕНА</u>	55
<u>ВЕСЕННИЕ СТРОКИ</u>	56
<u>СЕВЕРНАЯ СТЕЗЯ</u>	57

<u>ФЕВРАЛЬСКИЕ ВАРИАЦИИ.....</u>	58
<u>ДЕКАБРЬ.....</u>	59
<u>ТО ЛИ ДНИ КОРОЧЕ СТАЛИ.....</u>	60
<u>ТЫ РОДИЛАСЬ ИЗ ПУСТОТЫ....</u>	61
<u>СНЫ МАРИИ.....</u>	62
<u>Я ЗАКУТАЛСЯ В СОЛНЕЧНЫЙ ЛЕС.....</u>	63
<u>И ТЫ, И Я....</u>	64
<u>ЛЕСНАЯ ПАМЯТЬ.....</u>	66
<u>ОДНОЧЕСТВО</u>	67
<u>ТЬМА.....</u>	68
<u>ДЕТСТВО.....</u>	69
<u>ВЕСЕННИЕ ПЯТИСТИШИЯ</u>	70
<u>АВГУСТ.....</u>	72
<u>ЦВЕТНАЯ МОЗАИКА ПРОЖИТЫХ ДНЕЙ.....</u>	73

<u>СОВСЕМ ОПУСТЕЛИ ТРОПИНКИ МОИ...</u>	74
<u>СНИТСЯ</u>	75
<u>РАССВЕТНЫЙ СОЛНЕЧНЫЙ ПИРОГ...</u>	77
<u>ЛЕСНАЯ КЛУБНИКА</u>	79
<u>ЗАБЫВАЯ ЗВЕНЯЩУЮ МУЗЫКУ СФЕР...</u>	81
<u>ВЕСЕННЯЯ КАНТАТА</u>	82
<u>ПРИВЕТ ТЕБЕ, МОЙ СЛАВНЫЙ ЮНЫЙ ДЕНЬ!..</u>	83
<u>НИ ЗВУКА, НИ СЛОВА, НИ ВЗДОХА</u>	84
<u>СКАЖИ, ЗАЧЕМ ТОБОЙ ПУСТЫ МИРЫ?..</u>	85
<u>СЕРПАНТИН</u>	87
<u>ФЕВРАЛЬСКИЕ МИНУТЫ</u>	88
<u>ЗА ПОСТОЯНСТВОМ НЕМОТЫ</u>	89
<u>Я ХОЧУ РАЗУЗНАТЬ...</u>	90
<u>КРУГИ</u>	91

<u>ПОЛНОЧЬ.....</u>	93
<u>ОТТЕНКИ.....</u>	94
<u>Я ДАМ ОБЪЯСНЕНИЕ ГРЯДУЩЕМУ ДНЮ...</u>	95
<u>ВОСХОДЯ К ДЕКАБРЮ.....</u>	96
<u>НАД ТАЙНАМИ ВСТРЕЧ.....</u>	97
<u>МЫСЛИ.....</u>	98
<u>В ТЕБЕ ОДНОЙ – ОСНОВА ЖИЗНИ.....</u>	99
<u>ПЕРЕМЕННЫМИ ОГНЯМИ...</u>	100
<u>НА ЛИСТЕ ПЕЧАЛИ СВЕТЛОЙ.....</u>	101
<u>БЫВАЮТ ДНИ.....</u>	102
<u>ОДИНОКО.....</u>	103
<u>КОМ ПЕРЕЖИВАНИЙ.....</u>	104
<u>КАК БЫЛО ПРЕЖДЕ – НЕ СЛУЧИЛОСЬ.....</u>	105
<u>ИЮЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ.....</u>	106

<u>ПО МОСТОВЫМ, ПО ТРОТУАРАМ.....</u>	107
<u>В НИЧТО.....</u>	108
<u>ОСЕННИЕ ВАРИАЦИИ</u>	109
<u>УТРО</u>	110
<u>НАБЛЮДЕНИЕ</u>	111
<u>НОЧНАЯ МИНИАТЮРА.....</u>	112
<u>РАДУЖНОЕ ПРОШЛОЕ.....</u>	113
<u>ВОЙНА.....</u>	115
<u>ТРЕВОЖНАЯ ЭЛЕГИЯ</u>	116
<u>МУЗЫКАНТ</u>	117
<u>БОЛОТО</u>	118
<u>ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ЭЛЕГИЯ.....</u>	120
<u>ТИШИНА.....</u>	121
<u>ПОДВАЛ</u>	122

<u>СЛАДКАЯ СКАЗКА</u>	123
<u>ПРОГУЛКА</u>	124
<u>ПЕЙЗАЖ</u>	126
<u>ХРУСТАЛЬНОЕ</u>	127
<u>ОСЕННИЙ ФРЕГАТ</u>	128
<u>ИСПИВ ТИШИНЫ</u>	129
<u>НОЧЬ</u>	130
<u>ПРИБЛИЖЕНИЕ СТАРОСТИ</u>	131
<u>КОГДА ПОТЕРЯНО МГНОВЕНЬЕ</u>	132
<u>САМОЛЁТ ТОСКИ ХРУСТАЛЬНОЙ...</u>	133
<u>МАЙ</u>	134
<u>ОСТАНОВКА!</u>	135
<u>НЕ СПОРЮ</u>	136
<u>НА ПРОСТОРАХ ТЬМА ГУЛЯЕТ...</u>	137

<u>ПОРАБОЩЕНИЕ</u>	138
<u>РЕАЛЬНОСТЬ.....</u>	139
<u>МАРТ.....</u>	140
<u>НИ СУДЬБЫ, НИ СТРАНЫ...</u>	141
<u>ТЕРПЕНИЕ</u>	142
<u>ФЁДОРУ СОЛОГОУБУ</u>	143
<u>В РОССИИ БЫТЬ.....</u>	144
<u>НА ПОРОГЕ ДЕКАБРЯ.....</u>	145
<u>НЕ ЖАЛЕЙ НИ О ЧЁМ.....</u>	146
<u>ЗАБУДЬ ЕЁ.....</u>	147
<u>ЗА БЕЛЫМ КРАЕМ ТИШИНЫ.....</u>	148
<u>В ГЛАЗАХ ТВОЕЙ ВЕСНЫ.....</u>	149
<u>СТЕКЛО ВЕСЕННИХ ДНЕЙ.....</u>	150
<u>Я ИДУ ПО ТРОПИНКЕ ПРОШЛОГО.....</u>	152

<u>ЛИСТАЯ ДНИ</u>	153
<u>КОГДА МЕТЕЛЬ ПРИШЛА ЗА МНОЮ.....</u>	154
<u>БЕЛОЮ МГЛОЙ ВЫЗРЕВАЕТ ПРОСТОР...</u>	156
<u>ОН ШЁЛ ПО ТРЕТЬЕМУ ЛУЧУ.....</u>	157
<u>НАВЕРНОЕ, ТАК.....</u>	159
<u>БРОДЯ ТРОПОЮ СЕРЫХ ДНЕЙ.....</u>	160
<u>СВЕТ НОЯБРЯ.....</u>	161
<u>ОДИН ИЗ ПУТЕЙ</u>	162
<u>О ЛЮБВИ.....</u>	163
<u>ТЫ НЕ ТАКАЯ.....</u>	164
<u>ТЫ ПРОСНУЛАСЬ.....</u>	165
<u>А НИКТО НИЧЕГО И НЕ ЖДАЛ.....</u>	166
<u>СТУЧА КОЛЁСАМИ.....</u>	168

<u>РАССВЕТНОЕ.....</u>	169
<u>СОЛНЕЧНЫЙ МЁД.....</u>	170
<u>ДВОЕ.....</u>	171
<u>ВАРИАЦИЯ</u>	172
<u>НЕБЕС ПОТУХАЮЩИЙ ВЗГЛЯД.....</u>	173
<u>СВЯЗИ</u>	174
<u>ЛЕДЯНАЯ ПРИНЦЕССА.....</u>	176
<u>ВРЕМЯ ХОРОНИТ ПРОСТРАНСТВО МОЁ.....</u>	178
<u>В НЕМОМ ДРОЖАНИИ ВРЕМЁН</u>	180
<u>ЦВЕТОЧКИ, ЦВЕТОЧКИ.....</u>	182
<u>ВРЕМЕНИ</u>	183
<u>НЕБЕСА МОИХ ПЕЧАЛЕЙ.....</u>	185
<u>ТЕМНОТА МНЕ ПОЁТ О ТЕБЕ</u>	186
<u>ТРИОЛЕТЫ.....</u>	187

<u>ЦВЕТЫ НОЧНОГО БЕСПОКОЙСТВА.....</u>	187
<u>ДЫША БОЛОТНЫМИ ОГНЯМИ.....</u>	188
<u>Я ПОВТОРЯЮ СЛИШКОМ ЧАСТО.....</u>	189
<u>СМОТРЮ Я ТОЛЬКО НА ВОСТОК.....</u>	190
<u>И СМЕРТЬ, И ЖИЗНЬ, И КРАСОТА.....</u>	191
<u>ПРОСТРАНСТВО – ФУНКЦИЯ УМА</u>	192
<u>И ТЬМА, И СВЕТ – РАВНОВЕЛИКИ</u>	193

Алексей Леонтьевич Борычев

ВДЫХАЯ ЗВЁЗДНЫЕ ВЕТРА

Ответственный редактор зам. председателя
Межрегионального Союза писателей Украины при МСПС
Скорик С. И. Технический редактор Богданов В. М.

Подписано в печать 19. 11. 2013. Формат 12,5 x 16. Бумага
офсетная, гарнитура «Arial narrow». Печать офсетная. Усл.
печ. л. 8,5, тираж 300 экз.

Заказ 8174.

Издательство ООО «Буки Веди»
Отпечатано в цифровой типографии ООО «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta
105066, г. Москва, ул. Новорязанская, д. 38, стр. 1, пом. IV
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com